Кондратий

БИРКИН

Вредности и фаворитки

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга Кондратия Биркина (П.П.Каратаева), практически забытого русского литератора, открывает перед читателями редкую возможность почувствовать атмосферу дворцовых тайн, интриг и скандалов России, Англии, Италии, Франции и других государств в период XVI–XVIII веков.

В числе немногих спутников, сопровождавших королеву-изгнанницу в Блуа, находился и епископ Арман дю Плесси Ришелье. Эта приверженность опальной Марии Медичи была бы достойна похвалы и удивления потомства, если бы почтенным прелатом не руководили в этом случае осторожность и своекорыстие.

... Охотник, слесарь, огородник, повар, брадобрей, музыкант… все это очень хорошо, – скажете вы, – но где же добродетели короля?

– Тут они все,– ответим мы.– Иных добродетелей за Лю–довиком XIII не водилось. Мир его праху!

- Кондратий Петрович Биркин
  - ○
- notes
  - ○ 1
  - ○ 2
  - ○ 3
  - ○ 4
  - ○ 5
  - ○ 6
  - ○ 7
  - ○ 8

Кондратий Петрович Биркин
Кардинал Ришелье. Людовик XIII

Марион де Лорм. – Госпожа де Шон. – Госпожа де Комбалле. – Анна Австрийская. – Герцог Бекингэм. – Маркиз Баррада. – Маргарита д'Отфор. – Генрих д'Эффиа. – Маркиз де Сен-Марс (1617–1643)

В числе немногих спутников, сопровождавших королеву-изгнанницу в Блуа, находился и епископ Арман дю Плесси Ришелье. Эта приверженность опальной Марии Медичи была бы достойна похвалы и удивления потомства, если бы почтенным прелатом не руководили в этом случае осторожность и своекорыстие. Оставаться в Париже, при дворе, где владычествовал де Люинь, было опасно и нерасчетливо. Поклоняться временщику, признавать его главенство над собою – этого Ришелье, по уму и по гордости, позволить себе не мог; как человек прозорливый, он предугадывал, что временщик – долго ли, коротко ли – должен пасть, а Людовик XIII – рано или поздно – примириться со своей матерью. Вследствие этих соображений Ришелье безошибочно расчел, что ему гораздо выгоднее держаться за опальную королеву, нежели за полудержавного любимца. Верный правилам приличия, прелат, однако же, вел с де Люинем весьма любезную переписку, поддерживая с ним самые приязненные отношения. Мария Медичи в простоте души и не подозревала, какую страшную змею отогревает у сердца в лице епископа Люсонского. Она верила его бескорыстной привязанности, надеялась на его обещания примирить с нею короля и возвратить ей утраченное место во главе государства.

Два года провела Мария Медичи в Блуа и в течение этого времени сблизилась со старым герцогом д'Эперноном, губернатором Сентонжа и Ангулема. Он приглашал королеву перебраться из Блуа в Ангулем и тем освободиться из заточения. В Ангулеме, полная хозяйка своих поступков, Мария Медичи могла жить независимо и войти в переговоры с сыном не как изгнанница, просящая о помиловании, но как самостоятельная владетельница, готовая в случае надобности отстаивать свободу и права вооруженной рукой. Но, чтобы выбраться из Блуа, надобно было или подкупить почетные караулы, окружавшие замок, или бежать тайно. Королева отважилась на последнее и с помощью своего шталмейстера графа де Бриенна и двух преданных ему людей в полночь 12 февраля 1619 года бежала переодетая и,

благодаря темноте, никем не узнанная, беспрепятственно прибыла в Ангулем. Встретивший ее там д'Эпернон объявил, что к ее услугам его шпага и все войска, ему подначальные. Письмом от 23 февраля Мария Медичи уведомила Людовика XIII о своем побеге, оправдывая его желанием перемены места и в то же время заверяя сына, что она нимало не намерена принимать какое бы ни было участие в делах правления. Парижский двор в это время вместе с королем тешился праздниками по случаю бракосочетаний: принцессы Христины Французской с принцем пьемонтским и побочной дочери Генриха IV мадемуазель де Вандом с герцогом д'Эльбеф. Весть о побеге Марии Медичи была если не громовой тучей, то облаком, омрачившим всеобщее веселье. Король, усматривая из письма, что желания матери весьма умерены, был еще довольно спокоен, но де Люинь, зная средства, которыми она тогда обладала, – де Люинь трусил за свое могущество. Мария Медичи ставила вопрос: если она не имеет намерения вмешиваться в дела государственные, за что же ее подвергать изгнанию? Выражая надежду на содействие короля испанского, королева вошла с сыном в письменные переговоры о примирении. Договор был редактирован кардиналом де Ларошфуко, герцогом Монбазоном и отцом Берюлем, духовником Марии Медичи; доставку этого договора королю возложили на Ришелье, тогда удаленного в Авиньон. Вызванный в Ангулем и пересмотрев статьи договора, он выговорил королеве-родительнице: сохранение всех прав; полную свободу проживать где угодно, хотя бы и при дворе; пользование всеми доходами с ее удельных имений. Сверх того, по этому договору король обязывался дать всепрощение лицам, содействовавшим бегству Марии Медичи из Блуа, а герцога д'Эпернона наградить 300 000 ливров. Соглашаясь на все эти условия, король через герцогиню Монбазон пригласил родительницу прибыть в Тур для свидания, а оттуда вместе с королем возвратиться в Париж.

В Туре, кроме короля, был, разумеется, и де Люинь. Первый вопрос, сделанный ему Мариею Медичи, было о несчастном маршале д'Анкре.

– Никто не приказывал его убивать, – отвечал де Люинь. – Он сам виноват тем, что хотел защищаться против посланных его арестовать, – и только арестовать!

Увидя маршала де Витри (убийцу д'Анкра), королева с ядовитой улыбкой сказала:

– Вы, маршал, были всегда вернейшим и послушнейшим слугою короля!

– Да, государыня, – отвечал убийца, – и эта покорность заставила меня…

Ришелье, видя, что разговор принимает не совсем дружелюбный оттенок, поспешил прервать его, чему много помогло и появление короля. Встреча и примирение матери с сыном были трогательны; последнее, по-видимому, было искренно, хотя прозорливый Ришелье не надеялся на его прочность. Дело в том, что это примирение порождало при дворе две партии, главами которых являлись королева-родительница и де Люинь. Через месяц после свидания в Туре Мария Медичи удалилась в Анжер, куда следом за нею явились все противники де Лю-иня, в это время метившего попасть в конетабли. Супруга его занимала при молодой королеве Анне Австрийской должность первой статс-дамы… Партия временщика была сильна; могла бы быть могущественной, если бы сам де Люинь был человеком с головой и твердой волей; к сожалению, он своими способностями далеко отставал от покойного маршала д'Анкра. Волнения кальвинистов в Южной Франции послужили к слиянию в государственном совете обеих партий – и де Люиня, и Марии Медичи. 2 апреля 1621 года Альберт де Люинь был возведен в достоинство конетабля и на первый же случай должен был начать новое поприще на ратном поле, приняв участие в войнах с кальвинистами…

Умалчиваем об этих бесконечных усобицах, о неудачах де Люиня, подвигах Людовика XIII, об осаде Монтобана (послужившей в недавнее время сюжетом для лубочного романа какому-то модному французскому романисту)… Самым важным событием этой эпохи была смерть де Люиня, открывшая путь к престолу королевскому гениальному Ришелье. Королева-родительница, не оставлявшая его своим покровительством, содействовала по мере сил возвышению этого человека, благодаря собственному уму и дарованиям не имевшего даже и нужды ни в покровителях, ни в покровительницах. Будучи простым членом государственного совета в 1624 году, он сообщил королю о своем исполинском плане возведения Франции на высоту державы первостепенной. Для этого королевству было необходимо, во-первых, избавиться от олигархии, во-вторых, угомонить неугомонных кальвинистов, в-третьих, унизить и ослабить свою соперницу, Австрию. Такова была программа государственного строя Ришелье, и до последней минуты этот король Франции (под псевдонимом Людовика XIII) оставался ей верен.

Читателям, без сомнения, известен анекдот о Петре Великом и о монументе Ришелье? В бытность свою в Париже наш преобразователь посетил гробницу кардинала и, обращаясь к его статуе, сказал восторженно:

– Великий человек, живи ты в мое время, и я отдал бы тебе половину моего царства, чтобы ты научил меня управлять другою половиною!..

– Напрасно! – заметил кто-то из присутствующих. – Он бы и другую половину прибрал к своим рукам.

Таков действительно был Ришелье – временщик-король, двадцать лет державший Францию в своих железных руках, но и вознесший ее этими самыми руками на высокую степень могущества. Людовику XIV легко было разыгрывать роль Юпитера благодаря титанским трудам кардинала Ришелье, воздвигшего целый Олимп для подножия королевской власти и, подобно Вулкану, выковавшего громы и молнии, которыми Франция в течение целого века грозила Европе. Кардинал Ришелье совместил в своей личности и Людовика XI и национальный Конвент 1793 года: первый – благодаря монфоконским виселицам, второй – благодаря гильотине искоренили олигархию; то же сделал и Ришелье с содействием эшафота на Гревской площади. В царствование кардинала приутихли потомки Гизов, протягивавших руки к скипетру Генриха III, Конде – ступавших на ступени трона Генриха IV, принцы Орлеанские, умышлявшие сорвать корону с головы Людовика XIII… Этой короны Ришелье себе на голову не надевал, но он придерживал на короле точно так же, как и порфиру на его слабых плечах. Удачная борьба с Англией, участие Франции в Тридцатилетней войне – все это подвиги, и подвиги исполинские, дающие кардиналу Ришелье полнейшее право на имя великого человека…

Однако предмет нашего труда – не величие великих людей, а те фазисы их жизни, когда она нисходила на степень людей обыкновенных. Подобно курице в басне Крылова, подшучивающей над орлом, сидящим на овине, мы в нашем посильном труде рассматриваем слабости сильных мира сего. Так рассматривали мы жизнь Генриха IV и с этой же точки зрения взглянем на кардинала Ришелье. Одно не помешает другому: Ришелье – лев, терзающий своих врагов и упивающийся их кровью, и Ришелье, как влюбленный кот,[1] отчаянно мяукающий нежности Анне Австрийской или принимающий у себя Марион де Лорм, – так же мало имеют общего один с другим, как кот со львом; порода-то, пожалуй, и одна, да звери-то разные!

Посмотрим сначала на льва.

В 1624 году благодаря стараниям Марии Медичи буквально из ее рук Ришелье получил кардинальскую шапку. «Государыня, – сказал он ей при этом, – пурпуровая моя мантия будет мне постоянно напоминать о моем обещании не щадить за вас и последней капли моей крови!»

Просим читателя запомнить эту фразу, в полном смысле слова красноречивую.

Вместе с кардинальской шапкой Ришелье получил должность государственного секретаря с правом голоса совещательного, т. е. с обязательством подавать советы королю только в случае запроса с его стороны. Первым указом, подписанным Людовиком XIII по совету Ришелье, воспрещались поединки под опасением смертной казни; затем следовал второй – о соблюдении простоты в одежде и преследовании роскоши… Обоими указами Ришелье наносил первый удар дворянству, а вторым указом – и кальвинистам, постоянно укорявшим двор и вельмож за их безумную роскошь. Отнять у кальвинистов хотя и один из поводов к жалобам значило их хоть сколько-нибудь обезоружить. Обиженные дворяне мстили кардиналу пасквилями, прозвищем Красного чулка, кальвинисты волновались по-прежнему и бунтовали, рассчитывая на содействие Англии. Олигархам Ришелье до времени отвечал презрительным молчанием, а у кальвинистов (с 1628 по 1631 год) отнял Ла-Рошель, Катр, Мильго, Прива, Але, Андюз и все укрепления этих городов обратил в развалины! Мария Медичи, несмотря на обещание, данное королю не вмешиваться в дела как внутренние, так и внешней политики, не могла, однако же, не затеять обширной политической интриги. Имея в виду болезненное состояние Людовика XIII и отсутствие прямых наследников престола, королева-правительница решила передать права наследства (в случае смерти короля) младшему сыну Гастону, герцогу Орлеанскому, с тем чтобы он женился на вдове короля Анне Австрийской. Испанский двор вполне одобрил этот проект, и между Мариею Медичи, королем испанским и супругою Людовика XIII возникла по этому предмету переписка и самые приятные отношения… Словом сказать, составился заговор, вскоре принявший угрожающие размеры. Главными его соучастниками были старый маршал Орнано, молодой и знатный Шалэ (Chalais) из дома Перигоров и два побочных сына Генриха IV – Вандомы. Своей приверженностью к Гастону Орлеанскому заговорщики маскировали свою ненависть к Ришелье и желали не столько возведения Гастона на престол, сколько низложения кардинала. Усердные шпионы последнего следили за ходом заговора шаг за шагом, донося своему патрону о каждом слове, чуть не о каждой мысли его врагов. Нетрудно было Ришелье убедить короля к принятию решительных мер для предупреждения мятежа, и 4 мая 1626 года маршал Орнано по подозрению в сношениях с испанским двором был арестован и заточен в Венсенский замок; очередь стояла за Шалэ и побочными братьями короля, но они еще до времени пользовались свободою.

Подстрекаемый своей любовницею герцогиней де Шеврез, Шалэ замыслил сообща со своими товарищами арестовать кардинала и держать его в заточении до тех пор, покуда король, убежденный доводами врагов своего министра, не подпишет приговора о его изгнании. Так порешили на тайном совещании Шалэ, приор Вандомский, граф Море, Пюилоран, Рошфор и другие, к которым присоединился Балансе, тайно преданный кардиналу. В ответе на преждевременную радость Шалэ о несомненном успехе отважного предприятия Балансе спросил его:

– А приняли вы в соображение, что в случае неудачи можете попасть на эшафот?

Простой этот вопрос остудил пылкие фантазии Шалэ; он выразил желание отступиться от участия в заговоре, малодушно обвиняя герцогиню де Шеврез в том, что она его вовлекла в эту опасную игру.

– Отступиться мало, – возразил Балансе. – Этим вы не спасете вашей головы. Мой совет – идите к кардиналу и сознайтесь ему чистосердечно во всем.

– Я не хочу быть доносчиком!

– Не доносчиком, а обличителем. Признанием вашим вы спасете не только себя, но и принцев крови… И знаете ли что? Не откладывая дела в долгий ящик, отправляйтесь сейчас же к кардиналу в Малый Люксембург.

Шалэ последовал этому совету. Он и Балансе застали кардинала дома и были им очень любезно приняты. Он выслушал Шалэ, по обыкновению, закрыв глаза и подкачивая в такт головою.

– Душевно вам благодарен, – сказал он весьма ласково, – за разоблачение темного и грязного дела, о котором до меня доходили неясные слухи. Не могу не похвалить вас за отречение от соучастия с негодяями, которое могло бы обесславить ваше знаменитое имя!

– Балансе убедил меня…

– В честности его я всегда был уверен, – перебил кардинал. – Вот что я скажу вам, господа: касайся этот заговор меня лично, я бы, может быть, и не обратил на него внимания… но тут дело идет о спокойствии и славе моего государя; мальчишки посягают на государственное благоустройство. При всем том я не беру на себя тяжкой обязанности довести о заговоре до сведения короля, а советую вам самим теперь же отправиться к нему и повторить все мне сообщенное. Вы, Шалэ, назвали мне всех заговорщиков. Кроме мужчин, тут, верно, замешаны и дамы. Герцогиня де Шеврез, например…

– Ваша эминенция, клянусь вам, что она ничего не знает!

– Полноте, полноте, – усмехнулся Ришелье, – она знает все, и первою вам наградою за ваше признание будет помилование герцогини, дамы вашего сердца. Ей не говорите только ни слова о нашем теперешнем разговоре; с недавними вашими товарищами действуйте по-прежнему заодно, и все уладится как нельзя лучше!

Проводив гостей, кардинал отправился к королю в Фонтенбло.

План заговорщиков состоял в том, чтобы захватить кардинала в его загородном замке Флери. На другой день доноса, сделанного малодушным Шалэ, он сам и его сообщники явились в замок, где их приняла госпожа Комбалле, племянница кардинала. В ожидании прибытия в замок Гастона Орлеанского гости (в числе шестидесяти) занялись вином и игрою в кости.

Этим временем кардинал беседовал в Фонтенбло с Гасто-ном. Любезно, с самой радушной улыбкой он говорил принцу, что, узнав о его намерении посетить замок Флери мимоездом на охоту, очень рад предложить свое жилище к его услугам для отдыха…

– Вы сами туда не пожалуете? – спросил Гастон.

– Рад бы принять гостей, но сегодня у короля заседание совета.

Таким образом, замысел захватить кардинала рушился, мнимые охотники не захватили этого красного зверя, а двое главнейших были арестованы через несколько дней. Оба брата Вандомы были заточены в Амбуаз и в Венсен по обвинению в происках против предполагаемого брака Гастона Орлеанского с госпожою Комбалле; кроме того, ходили слухи о их тайных сношениях с Испанией и Англией. Шалэ, видя вероломство кардинала, душой и телом предался партии Гастона. Принц намеревался бежать в Испанию и, собрав там войско, вторгнуться во Францию и избавить короля от кардинала. Надзор за ходом этого нового заговора Ришелье поручил своему клеврету Ла-фейму… Этим временем король, обе королевы и весь двор отправились в Нант; случай благоприятствовал заговорщикам, и все было приготовлено к бегству в Тур, оттуда в Лотарингию; но ищейки кардинала не дремали: граф Рошфор, маркиз Пюило-ран, президент де Куанье (de Coignet) и Генрих Шалэ были арестованы. Шалэ, приведенный к кардиналу капитаном дю Гайлье, едва удерживаясь от бешенства, сказал:

– Ваша эминенция, смею ли я хоть спросить, за что я арестован?

– Смеете, смеете, и я сию минуту удовлетворю ваше любопытство! – отвечал Ришелье с неизменной улыбкой.

Выслав капитана, он подал Шалэ перехваченное письмо к

Гастону, написанное Рошфором, Пюилораном и де Куанье и уведомлявшее принца о том, что все готово к его побегу.

Надобно заметить, что кардинал де Ришелье первый из властителей Франции к громадной машине государственного управления присоединил могучую пружину, без которой (по его мнению) благоустройство администрации немыслимо. Эта пружина – шпионство – была доведена кардиналом до совершенства. Он содержал на жалованье обоего пола шпионов, агентов, сыщиков; при канцелярии его находилось несколько чиновников для дешифровки писем, писанных цифрами или условными знаками, и эти способнейшие люди умели разобрать какую угодно тарабарскую грамоту.

– Что вы на это скажете? – спросил Ришелье, когда Шалэ прочел роковое письмо. – Прав ли я, подвергнув вас аресту, граф Шалэ?… Но, помня ваши недавние услуги, я готов сжечь это письмо и тем самым уничтожить все следы вашего соучастия в заговоре, только с условием… Виноватыми в заговоре должны быть: королева Анна и Гастон, сговорившиеся объявить короля неспособным к брачному сожительству, заточить его в монастырь и сочетаться браком…

– Но они и не думали этого! Принц никогда не был зложелателен к королю… Вы хотите, чтобы я клеветал?

– Тут нет клеветы, а сущая правда. Зачем Гастону бежать в Испанию и оттуда с войском возвращаться на родину? Неужели же принцу для свержения меня с места нужна целая армия?

Поймите, граф, что, обвиняя только королеву и принца, вы дадите мне возможность испросить милости вашим друзьям… Супруги своей и брата король не пошлет на эшафот, и дело будет замято…

– А я и друзья мои будем помилованы?

– Клянусь вам, и за вашу жизнь ручаюсь собственной, – произнес Ришелье со слезами на глазах. (Он обладал завидной способностью плакать в случае надобности.)

– Сделав показание, – продолжал он, – вы сознаетесь, что заговорщики поручили вам арестовать короля при возвращении его из Нанта.

– Но это будет напраслина!

– Для вашего же спасения…

Под диктовку Шалэ один из секретарей Ришелье написал донос, сочиненный по желанию кардинала. За это он отдал графу Шалэ перехваченное письмо, которое граф тут же бросил в огонь камина.

– Теперь, – сказал Ришелье, – вы возвратитесь в тюрьму, из которой, по всей вероятности, выйдете через неделю.

Заставив Шалэ быть доносчиком на Гастона, кардинал ставил их друг к другу в самые враждебные отношения, что именно ему было необходимо. Он надеялся, что Гастон, видя предательство друга, примирится с королем и, покорствуя его воле, женится на госпоже Комбалле. Всегда дальновидный, Ришелье ошибся в последнем: Гастон Орлеанский признался королю во всех своих умыслах, выдал с головой всех своих сообщников, примирился с Людовиком XIII, но женился на мадемуазель де Монпасье.

Гром пушек возвестил графу Шалэ, сидевшему в темнице, о бракосочетании герцога Орлеанского. «Если король простил брата, он, без сомнения, простит его приверженцев» – эта простая мысль утешала узника; кроме того, он помнил клятву, данную ему кардиналом, и надеялся. Герцогиня де Шеврез нашла возможность послать к графу Шалэ в темницу небольшую записку, спрятанную в крупной ягоде земляники. Не зная о свидании графа с кардиналом, любовница Шалэ писала к нему: «Ни слова ни о чем кардиналу. Надейтесь; у вас есть друзья и подруга… мы бодрствуем!»

Ягоду с этой запиской предатель слуга доставил кардиналу.

Ришелье прочел и приказал передать ее узнику: «Пусть утешается», – и сказал при этом: «Мне эти пустяки не опасны!»

Из темницы дня через два граф Шалэ был вызван в следственную комиссию под председательством хранителя печати Марильяка (Marrillac). Начались допросы. Шалэ, помня обещание Ришелье, подтвердил письменное свое показание и плел небылицы на королеву и Гастона. Судьи произнесли смертный приговор, несмотря на протест Марильяка, видевшего в обвинении графа Шалэ адскую хитрость кардинала. Приговор, представленный на утверждение короля, был им подписан бестрепетной рукой. Из дела, лично до него касавшегося, Ришелье сумел смастерить дело государственное; партия недовольных угрожала только ему – он сумел напугать короля, уверив, что опасность ему, королю, угрожает. О помиловании Шалэ Людовика XIII умолял весь двор, но король, выказывавший непреклонность и твердость характера во всех тех случаях, когда речь шла о злом деле, был неумолим. Старый Марильяк присоединил свой голос к общему хору ходатаев за графа Шалэ.

– И вы просите за это чудовище? – крикнул Людовик XIII. – Приговор шел через ваши руки!

– Да, но я его не утверждал. Смерть Шалэ будет убийством…

– Нет, справедливостью! Слушайте, Марильяк, я милосерден, очень, даже – слишком… Я щажу мою жену, моего брата, но графу Шалэ нет пощады. Казнить его!

– Государь, казнь необходимо отложить: палач неизвестно

где.

– Знаю… Друзья графа его куда-то запрятали. Они позабыли, что топора он не унес с собою! Был бы топор, а рука найдется…

– Ваше величество!

– Молчать! Вы пришли за милостью и прощением, и я дарую и то, и другое. Вы думаете, графу Шалэ? Нет: прощаю любого разбойника из содержащихся в нантской тюрьме, чтобы он согласился отрубить голову графу. Такова моя воля, и да будет так!

Граф Шалэ надеялся до самой минуты объявления ему смертного приговора; выслушав его, он настоятельно требовал свидания с кардиналом, – разумеется, напрасно. Вечером 19 августа 1626 года состоялась казнь Шалэ. Всходя на эшафот, он все озирался, ожидая вестника о помиловании, и окончательно впал в отчаяние, когда наступила роковая минута – не казни, но пытки, как увидим. Опуская голову на плаху, Шалэ закричал:

– Так вот твоя клятва, предатель кардинал? На том свете я не упрекну тебя, потому что буду в раю, а ты пойдешь в вечный огонь!..

Преступник, по воле короля взявшийся за дело палача, был неопытный и робкий; он рубил голову графу не топором, но мечом, очень легким и плохо отточенным. После трех первых ударов Шалэ, еще в полной памяти, кричал и рыдал от боли, упоминая имена своей матери и герцогини де Шеврез. Палач-самозванец рубил мечом по шее Шалэ, не нанося ни одного смертельного удара. Ропот негодования народа вторил воплям жертвы. Какой-то бочар, бросив на эшафот отточенное широкое долото, крикнул неопытному палачу:

– Возьми, негодяй, авось хоть этим доконаешь!

Всех ударов – мечом и долотом – было нанесено тридцать четыре; при двадцатом Шалэ еще кричал; кровь ручьями лилась по эшафоту, на который падали клочья и обрезки мяса и кожи. Через шестнадцать дней после казни Шалэ, маршал Орнано умер в темнице от яда. Герцогиня де Шеврез была отправлена в ссылку; герцог Вандомский пробыл в темнице четыре года и семь месяцев; брат его Александр в ней умер. Олигархи трепетали от ужаса и негодования. Как бы желая не дать им опомниться, 22 июня 1627 года кардинал возвел на эшафот Франциска Мон-моранси, графа де Бутвиля и Франциска де Росмадек, графа де Шапеля – за нарушение закона о поединках…

Первый министр действовал с полновластием самодержавного государя. Сердце Людовика XIII, подобно сухой песчаной почве, произращающей полынь да терновники, было особенно восприимчиво на чувства злобы и ненависти.

Кардиналу-министру не стоило особенного труда внушить королю недоверие к дворянству, ненависть к супруге, брату и матери, в которых Людовик видел только заговорщиков и злоумышленников. Ришелье со своей стороны очень хорошо понимал, что казнь Шалэ – только пролог к борьбе с олигархией; что еще не одна голова должна скатиться на эшафот и что еще понадобится много крови, чтобы окончательно потушить тлеющую искру крамолы и происков раздраженных вельмож.

Осенью 1627 года начались военные действия против кальвинистов при личном участии кардинала-министра и Людовика XIII. Длинный ряд битв и осад городов был ознаменован страшными зверствами как со стороны католиков, так и кальвинистов. Северною армиею командовали: Ришелье, король, маршалы Бассомпьер, Туарас и кардинал де ла Валет; флотом – принц Конде. В марте 1628 года он овладел городом Памье (Pamiers), восставшим против короля. Градской консул Пра (Prat) и с ним пять советников ратуши были повешены на зубцах городских стен. Севенский дворянин Бофор и д'Орос, губернатор мазер-ский, захваченные с оружием в руках, были обезглавлены в Тулузе. Кальвинисты, раздраженные этими казнями, в отплату католикам перевешали пятьдесят человек пленных. Принц Кон-де, не желая оставаться в долгу, повесил пятьдесят пленных кальвинистов. Осада Ла-Рошели продолжалась без перерыва: менее нежели в три месяца осажденные потеряли свыше 16 000 человек, большей частью от голода, и 1 ноября 1628 года город сдался на капитуляцию, несмотря на энергичные мольбы своего главы Гюнтона. За взятие Ла-Рошели кардинал-министр был пожалован в генералиссимусы. В начале 1629 года сильный корпус под предводительством герцога Генриха Монморанси и дяди его маркиза де Порта был отправлен в Виварэ; король же с 17 000 войска отправился в Савойю на помощь к герцогу Мантуанскому, который вел войну с герцогом Савойским и королем испанским. Ришелье сопровождал Людовика XIII. Овладев Сю-зою (в которой 24 апреля был подписан мир между Францией и Англией), королевские дружины отправились в Виварэ к стенам города Прива. 4 мая Монморанси и де Порт представлялись королю, принявшему герцога весьма сухо, почти с неудовольствием. Причиной тому были наговоры кардинала и более или менее основательные подозрения о связи Монморанси с Анною Австрийскою. Маркиза де Порта король поздравил маршалом, не столько за его услуги, сколько для обиды его племянника. Людовик, однако же, не достиг цели, так как Монморанси от всей души радовался за дядю.

Здесь не можем не рассказать о странном событии,

случившемся с герцогом в ту же ночь с 4 на 5 мая 1629 года.

Он спал в своей палатке и часу в первом ночи был разбужен своим дядей, который гнусным голосом говорил ему: «Прости». Быстро открыв глаза, Монморанси не увидал никого около постели и в полной уверенности, что ему пригрезилось, заснул опять. Голос маркиза де Порта раздался вторично, и на этот раз, открыв глаза, герцог увидел его перед собою бледного, со слезами на глазах и с головою, повязанною окровавленным платком.

– Господи помилуй! – прошептал герцог, более удивленный, нежели испуганный.

– Надеюсь на милосердие Господне, – прошептал призрак, – но ты, ты, мой бедный друг…

– Именем Бога, дядюшка, – воскликнул Монморанси, – как понять ваши слова и что значит ваше появление?!

– Я пришел напомнить тебе о разговоре, который когда-то был у нас с тобой, о жизни за гробом и о клятве, которую мы дали друг другу, чтобы тот из нас, кто умрет прежде, уведомил пережившего. Я сдержал слово: дух мой, одетый теперь в призрачную оболочку, мое неотъемлемое «я» говорит с тобою… До свидания! Через тысячу двести семьдесят два дня, вечность…

Призрак не договорил и исчез. Испуганный сновидением,[2] герцог послал слугу в лагерь к маркизу де Порту, и посланный возвратился и доложил герцогу Монморанси, что дядя его около восьми часов вечера был ранен в голову выстрелом из мушкета и без четверти двенадцать часов ночи скончался.

Город Прива был взят штурмом 11 мая, весь гарнизон был перерезан, жители ограблены, разорены; женщины и девицы подверглись неизбежной участи – поруганию и осквернению. Подвиги распутной солдатчины в Прива вне описания, и неистовства воинов Людовика XIII кладут неизгладимое пятно на память – не короля-автомата, но его министра-кардинала, генералиссимуса Ришелье… Впрочем, война и человеколюбие несовместны. По крайнему нашему разумению: убить человека за то только, что он сражается под голубым знаменем с вензелем икса, а его противник под белым с вензелем игрека, право, точно такой же подвиг, как и изнасилование беззащитной женщины!

Вслед за взятием Прива были завоеваны многие города в Севенах, нижнем Лангдоке; герцог де Роган сложил оружие, и Ришелье приступил к осаде Монтобана вместе с маршалом Бассомпьером. Последний служил кардиналу той кошкой, лапами которой обезьяна выгребала из печки горячие каштаны. Представляя маршалу труды и победы, Ришелье оставлял себе одному награды и похвалы. Король оставил армию и возвратился в Фонтенбло. Заболев в Морене опасной лихорадкой, он

остановился в Лионе, куда вскоре прибыли его супруга и Мария Медичи. Больной, под наитием мнительности воображения, что пришел его последний час, покаялся жене и матери в своих против них прегрешениях, умоляя простить его великодушно. Кардинала он назвал своим демоном и клятвенно обещал дать ему отставку, лишь только будет подписан мир с Испанией. Анна Австрийская через свою фрейлину, госпожу Фаржи, уведомила Гастона Орлеанского о близком его восшествии на престол, который он наследует после смерти короля вместе с рукой королевы… Крамольники, позабыв о казни Шалэ, опять гордо подняли головы. Генрих Монморанси, Гиз, Бассомпьер вместе с Марией Медичи уже совещались о важном вопросе: что сделать с кардиналом-министром?

– Сослать его в Рим! – предложил Гюиз.

– Нет, – сказал Бассомпьер, – заточить его в Бастилию, чтобы в ней и издох.

– Вздор! – крикнул Монморанси. – Ришелье убил Шалэ, Орнано, приора Вандомского, Бутвиля, и щадить его нечего: кровь за кровь, и кардиналу-министру следует снести голову с плеч.

Совещание было прервано д'Аманкуром, лионским губернатором, объявившим, что королю стало заметно лучше. С этим известием отправлен был в Дофинэ к Ришелье преданный ему дю Трамбле. Само собой разумеется, что он от слова до слова передал кардиналу совещание вельмож. Ришелье, выслушав доносчика, спокойно вынул из кармана красную книжечку и вписал в нее несколько имен. Эта книжечка – синодик кардинала – была предназначена для списка всех лиц, чем-нибудь ему не угодивших и заслуживающих наказание, судя по провинности: плахи или изгнания.

– Ты говоришь, – переспросил кардинал своего клеврета, – что Гиз предлагает ссылку, Бассомпьер – Бастилию, а Генрих Монморанси – эшафот? Какой мерой меряют, такой же мерой и воздается им!

Мщение до времени было отложено, но, подобно вину, мщение Ришелье крепчало тем более, чем продолжительнее была его отсрочка. Король, благодаря Бога, выздоравливал; мирные переговоры с Савойей, открытые в Кацзале, предвещали близкое окончание войны. Они происходили с соучастием молодого итальянского дипломата Джулио Мазарини, которому через десять лет суждено было явиться копией (довольно бледной) кардинала Ришелье. Партия Марии Медичи почти торжествовала. Королева-родительница неоднократно напоминала сыну его обещание уволить Ришелье, но Людовик XIII, видимо, колебался,

медлил и проговорился даже, что обещание больного, у которого расстроены мысли и чувства, не следует считать обязательством непреложным… Он боялся Ришелье; он сознавал, при всей своей ограниченности, что без кардинала-министра могущество Франции немыслимо. Желая угодить матери и вместе с тем не обидеть кардинала, Людовик XIII предложил им помириться и действовать единодушно. Ришелье со своей стороны убедил короля, что он к Марии Медичи не питает иных чувств, кроме глубочайшего уважения и неограниченной преданности. Приверженцы Гастона не дремали, и подземная их интрига против министра шла успешно. Им удалось привлечь на свою сторону фрейлину Анны Австрийской – мадемуазель д'Отфор (d' Hautefort), пользовавшуюся расположением Людовика XIII. Она наушничала королю на кардинала и всячески старалась вооружить его против Ришелье… И без ее наветов король ненавидел своего патрона, но свергнуть с себя его иго не смел и думать. Впрочем, осторожный министр сумел поссорить короля с его фавориткой, и Маргарита д'Отфор была удалена от двора. За ходом заговора вельмож против него кардинал следил неусыпно.

В ноябре 1630 года Мария Медичи уже не просила, но требовала от сына, чтобы он уволил Ришелье от должности первого министра, указывая вместо него на старого Марильяка, человека (по ее мнению) способного и бескорыстного, преданного интересам Франции. Затрагивая самолюбие короля, она утверждала, что Людовик XIII, вышедший из-под опеки кардинала, будет славою своего королевства и предметом удивления всей Европы. Король колебался, просил дать ему время на раздумье, но Мария Медичи была неумолима.

– Кардинал, – говорила она, – попирает ногами права дворянства, возводит знатнейших вельмож на эшафот, и если вы не примете меры, обезлюдит ваш двор. Он поставил вас во враждебные отношения ко всему семейству, вооружил вас против меня и против брата жены вашей. Вы – король по имени, а он – король на деле. Он стращает вас заговорами и злодейскими умышлениями аристократии на вашу жизнь… Но эти заговоры и умышления – только им же самим вылепленные пугала. Неужели я буду умышлять на вашу жизнь, или Гастон, или супруга ваша?

– Дайте мне обдумать…

– Нет, государь, – перебила Мария Медичи, – раздумье тут неуместно: теперь или никогда!

И она подала сыну на подпись указ об увольнении Ришелье.

– Один взмах вашего пера, – продолжала она восторженно, – и вы спасете Францию, всех нас, себя самого!

Король взял перо в руки, и в эту самую минуту на пороге

кабинета показалась облаченная в свое красное одеяние тощая фигура кардинала.

– Ваше величество, – произнес он с глубоким поклоном, – я пришел просить вас уволить меня от занимаемой мною должности…

Король и Мария Медичи вскрикнули в один голос: первый – от испуга, вторая – от радости.

– Точно так, – продолжал Ришелье, – ибо семейное спокойствие должно быть вам дороже блага Франции. Под руководством вашей родительницы, Марильяка, вашего братца, супруги и при содействии вельмож, имеющих постоянные сношения с испанским двором, вы, без сомнения, докончите начатое дело умиротворения кальвинистов, усмирения олигархов и возвеличения Франции… Ваше королевство под опекою иноземцев и вельмож, без сомнения, достигнет в самое короткое время высокой степени могущества. Что касается до меня, я сегодня же еду в Гавр!

Отвесив поклон королю и Марии Медичи, кардинал медленно удалился. Что он не шутил и не попусту стращал короля, тому доказательством служила отправка его мебели в Гавр еще два дня тому назад, а в самый этот день, 10-го числа, он отправил туда же обоз с золотой монетой на двадцати пяти мулах… Ястреб выше взлетел, чтобы вернее ударить стаю кур, которой уподобились в эту минуту его враги-недоброжелатели. Вечером того же дня кардинал прибыл в Версаль для окончательного прощания с королем.

– Сеть интриг, которая опутывает теперь ваше величество, – сказал он между прочим Людовику XIII, – гордиев узел; я не Александр Македонский, чтобы рассечь его одним взмахом меча…

– Но благо Франции?

– В ваших руках ее гибель и спасение; выбор в вашей воле. В четыре года времени вы могли убедиться, к тому или другому клонились мои советы.

– Если бы я попросил вас остаться? – заискивающим голосом произнес король.

– Я бы не согласился, ваше величество.

– Ни на каких условиях?

– Вы бы их не приняли. Узы родства для вас дороже короны и счастья подданных. За все ужасы безначалия вас вознаградит любовь матери, супруги и дружба вашего брата… В последней вы, кажется, не можете сомневаться!

Людовик XIII, меняясь в лице, грыз ногти. При всей своей недальновидности он понимал, что без кардинала он останется

как без головы.

– Кардинал, вы погубите Францию! – прошептал он.

– Боже сохрани, государь, не я! Не хочу отнимать этой заслуги у других.

– Так спасите ее!

Ироническая усмешка исчезла с бледного лица кардинала, и, устремив на короля долгий проницающий взгляд, он произнес:

– Спасу, но для этого требую от вашего величества совершенной доверенности и повиновения!

Франция была спасена; враги кардинала пропали. Этот день принятия кардиналом прежней должности, которую он оставил на несколько часов, назван «днем одураченных» (journee des dupes). На другой день, 11 ноября, по повелению Ришелье (т. е. короля), арестованный Марильяк был отправлен в Шатоден; принцесса Конти, герцогиня д'Эльбеф и маркиза де Фаржи были сосланы. В это же время дано было повеление вызвать из армии маршала Марильяка. Указом парламента (писанным под диктовку кардинала) объявлено, что король, будучи главою семейства, не обязан повиновением своей матери… Это было предостережение, даваемое Марии Медичи, непрозрачный намек, что месть кардинала обрушится и на ее коронованную голову. Арестованная в Компьене, она сбежала в Бельгию. Этому бегству предшествовал арест маршала Бассомпьера, посаженного затем в Бастилию.

Власть кардинала в эту эпоху достигла своего апогея, и террор деспотизма дал себя почувствовать.

В марте 1631 года Гастон Орлеанский бежал за границу. Сообщники его для пущей безопасности желали привлечь на его сторону один из укрепленных пограничных городов, в котором он мог бы найти прибежище. Некто ла Лувьер вошел в переговоры с комендантом города Ардра, маркизом де Монкорель, в то же время капитан дю Валь намеревался овладеть Вердюном. Тот и другой не успели в своих замыслах: ла Лувьер был обезглавлен, а дю Валь повешен. Начало кровавого 1632 года было ознаменовано казнью доктора Бенара за умысел отравить Ришелье. В марте начался процесс маршала Марильяка, обвиняемого не в государственной измене, но в хищениях из казны… 10 мая 1632 года в половине пятого часа пополудни ему отрубили голову на Гревской площади. Брат его умер через три месяца.

– Хотя бы причину казни моей подыскали порядочную! – говорил маршал, восходя на эшафот. – А то обвинили в преступлении, за которое и лакея не стоило бы наказывать телесно!

Гастон Орлеанский, находившийся в Брюсселе, собрав около 8000 войска, готовился вторгнуться с ними в пределы Франции. Губернатор Лангдока Генрих Монморанси, сведав о намерении герцога, поднял знамя мятежа, встав во главе взбунтовавшихся войск, находившихся в Лангдоке. Маршал де ла Форс сразился с мятежниками 18 августа 1623 года близ горы Сен-Андре и разбил их наголову. В замке Турнон, вскоре сдавшемся королевским войскам, были взяты в плен виконт де л'Этранж (de l'Estrange) и барон д'Антраг (d'Entragues). Несмотря на заявление герцога д'Эльбефа, Ришелье обоих пленников приговорил к смерти, и они были казнены 6 и 7 сентября; через неделю той же участи подвергся в Лионе капитан Капистон. Все эти жертвы не только не остановили, но, напротив, придали энергии герцогу Монморанси, и он дал клятву до последней капли крови отстаивать права Гастона Орлеанского. Озлобленный на короля и на кардинала, т. е. вообще на это правительство двулицего Януса, Монморанси намеревался заменить его одним Гастоном Орлеанским. Войска последнего соединились с войсками Монморанси в Пезена; с юга угрожали вторжением во Францию войска испанские. 7 сентября 1632 года мятежники сразились с полками ла Форса близ Кастельнодари. В битве принимали личное участие Гастон, Монморанси и граф Море, побочный сын Генриха IV; она продолжалась не более получаса и окончилась бегством Гастона, смертью Море и пленом Монморанси, поднятого замертво и покрытого семнадцатью ранами. Получив известие о гибели своих приверженцев, Гастон протяжно свистнул и сказал только:

– Пропало мое дело!

Этот панегирик графу Море лучше всяких разглагольствований дает читателю понятие о характере брата Людовика XIII… И за подобную дрянь люди жертвовали своими головами! Положим, что приверженцы Орлеанского действовали в его пользу не столько из любви к нему, сколько из ненависти к королю и кардиналу, но неужели они не могли выбрать достойнейшего претендента на престол! На другой же день после поражения при Кастельнодари Гастон вступил в переговоры с Людовиком XIII и подписал следующие условия:

1) отступаюсь от всяких сношений с Испанией, Лотарингией и королевой-родительницей;

2) обязуюсь поселиться в городе, который будет мне назначен для жительства;

3) обязуюсь не ходатайствовать за моих единомышленников, взятых в плен;

4) иноземцы, мои союзники, через восемь дней выйдут из пределов Франции;

5) прислуга и весь мой штат будут состоять из лиц, выбранных самим королем;

6) лиц, которые неугодны государю, обязуюсь немедленно уволить от моей службы;

7) сеньор Пюилоран сообщит подробно королю о всех моих злоумышлениях;

8) отныне и впредь обязуюсь доводить до сведения государя обо всем, что может клониться к нарушению спокойствия его и государства.

Другими словами, Гастон обязывался быть доносчиком, шпионом и предателем и согласился принять все три предложения, лишь бы спасти голову свою от плахи.

В то время как герцог Орлеанский подписывал позорный договор, Генрих Монморанси, заключенный в Лектуре, спокойно ожидал решения своей участи, вверив себя попечениям своего верного лекаря Люканта. Раны заживали одна за другой – к несчастию.

– Друг мой, – сказал ему герцог однажды, – запомните первую статью моего духовного завещания. Прядь моих волос, отрезанная после моей смерти, должна быть разделена на три доли: первую возьмите вы, вторую – жена, а третью… нет, после скажу! Эта мысль отравляет мои последние минуты.

– Ваша светлость! Да о каких последних минутах вы говорите? – спросил удивленный лекарь. – Ваши раны…

– Малейшая из них смертельна.

– Понимаю! Вы намекаете на суд? Но, как Бог свят, вы будете помилованы.

– Добрый друг! Вы прекрасный врач, но плохой политик… Помните, что я в руках кардинала; я – муха, запутавшаяся в паутину, из которой ей живой не суждено вырваться. Ах, – вздохнул Монморанси, – зачем я не родился простым пастухом или виноградарем! Посмотрите, – прибавил он, указывая в окно на крестьян, собиравших виноград, – вот где жизнь, спокойствие и счастье!..

Грустные предчувствия узника вполне были основательны. Из Лектура он был отправлен в Тулузу и здесь под сильным конвоем введен в ратушу, в которой заседала следственная комиссия под начальством хранителя печати де Шатонефа, бывшего пажа в доме Монморанси.

– Ваше звание и имя? – спросил Шатонеф.

– Вы должны знать и то и другое! – гордо отвечал герцог.

– Я спрашиваю по долгу службы…

– Быть по-вашему. Я потомок Монморанси; крестник и тезка короля Генриха IV. Звание мое: маршал Франции, победитель

англичан в море, испанцев и кальвинистов на суше.

– Вы сражались против короля при Кастельнодари?

– Да, защищал права его брата. Мог ли уважать их король, приговоривший к изгнанию свою родную мать?

– Напоминаю вам об уважении к королю.

– Оно неизменно. Я защищаю не жизнь мою, а честь.

При третьем заседании герцог Генрих Монморанси был обвинен в открытом мятеже и приговорен к смертной казни. Приговор свой Монморанси выслушал с невозмутимым спокойствием; плакали судьи, читавшие его. Твердой, бестрепетной рукой приговоренный написал жене своей следующее письмо:

«Сердце мое! говорю вам последнее прости с любовью, которая постоянно связывала нас. Спокойствием души моей и неизреченным милосердием Божиим заклинаю вас не предаваться отчаянию. Утешайтесь мыслью, что Господь даровал душе моей желанное спокойствие. Еще раз – простите!

Генрих, герцог Монморанси».

Вся бывшая при дворе знать подняла голос в защиту герцога. В ответ на просьбы Людовик XIII более или менее остроумно отшучивался.

– Вы, кажется, готовы отдать руку на отсечение за герцога? – сказал он графу дю Шателе.

– Обе отдам! – отвечал тот. – Лишь бы спасти руку, которая выиграет вам сотни сражений!

Сен-Прейль, взявший герцога в плен, сказал в присутствии кардинала несколько колкостей на счет его эминенции. Ришелье, возвратясь домой, записал его в красную книжку. Принцесса Конде, сестра герцога, приехав к нему, рыдая, на коленях умоляла замолвить королю слово о прощении Монморанси.

– Сударыня, – отвечал кардинал со слезами, – что значит мой голос перед непреклонной волею государя?

– Он много значит, – сказала принцесса. – Я уехала из дворца именно в ту минуту, когда король, видимо, смягчился…

– Смягчился? – быстро перебил Ришелье. – О, в таком случае я не теряю надежды его умилостивить. Даю вам слово, честное слово… только вы, со своей стороны, не докучайте королю.

Утром 30 октября (день казни герцога) граф Шарлю принес к Людовику XIII жезл маршальский и цепь ордена св. Духа, отобранные у Монморанси. Король играл в шахматы с Лианкуром. Последний и граф Шарлю, упав на колени, умоляли короля помиловать осужденного.

К ним присоединились: дю Шателе, д'Эпернон, Гиз, Конде и Шатильон. Их вопли сначала раздражали Людовика, потом как

будто тронули.

– Кардинал! – сказал он Ришелье, входившему в комнату. – Что мне делать?

В эту минуту с улицы дошел в комнату крик нескольких тысяч граждан, единогласно просивших о помиловании Монморанси.

– Это бунт! – пояснил Ришелье. – Уступать в подобных случаях – верх неблагоразумия!

– Дайте мне обдумать, сообразить… – пробормотал король, удаляясь в кабинет, куда минуты через две явился и кардинал.

– Государь, – произнес он, – кажется, вам придется простить герцога. Народ, дворянство за него, и кроме них есть у него еще один ходатай – немой, но красноречивый.

– Кто еще?

Ришелье подал ему медальон с миниатюрным портретом Анны Австрийской и локоном ее волос под нижней дощечкой медальона.

– Этот портрет герцог отдал на сохранение приятелю своему Белльевру, – пояснил кардинал. – Надеюсь, государь, что этот залог дружбы, данный супругою вашей герцогу, окончательно смягчит ваше сердце.

Король – оглушенный, бледный, едва переводя дыхание, – смотрел на портрет безумными глазами; потом с ужасной улыбкой прошептал:

– А я уже хотел его помиловать!

В два часа пополудни из кабинета он вышел в залу. Здесь его опять обступили вельможи, и между ними герцог Гиз и принц Конде.

– Не просите, господа! – крикнул король громовым голосом. – Монморанси умрет.

– Государь! – прошептал Конде. – Мне жаль не его, мне вас жаль… Страшный грех берете вы на душу.

– Право? – усмехнулся король. – Так я открою вам глаза насчет вашего зятя. Это что? – шепнул он принцу, показав ему портрет королевы. – Если вы не обижаетесь на ветреность герцога, то я не могу ему простить связи с моей женой! Слышите – связи!.. Помните это! Скажите преступнику, что во внимание к его имени и прежним заслугам я разрешаю вести его на эшафот не связанным. Довольствуйтесь этой милостью.

Приговоренный к смерти ждал в зале градской ратуши роковой минуты шествия на эшафот, беседуя со своим духовником, отцом Арну, сидя у камина.

– В котором часу казнь? – спросил он бывших тут чиновников.

– В пять, ваша светлость.

– Нельзя ли ускорить? Я желал бы умереть в час крестной кончины Иисуса Христа.

– Это в вашей воле.

– И прекрасно. Прикажите же подать мне одеться и остричь мне волосы. Долой богатое платье!.. Спаситель на Голгофу шествовал полуобнаженный.

– Позвольте мне остричь вас! – сказал врач Лежант, пересиливая свою скорбь.

– Да, остригите и помните дележ. Одну прядь – вам, другую – жене, а третью ей (Анне Австрийской), и скажите, что я умер с мыслию о ней.

– Теперь все? – спросил герцог по окончании стрижки.

– Все! – прошептали присутствовавшие, задыхаясь.

– Господа, господа, умейте же владеть собою! – смеясь, сказал Монморанси. – Если бы Бог посылал мне смерть на поле сражения, я сумел бы умереть как следует, но умирать на плахе для меня новость, и я боюсь, чтобы как-нибудь не оплошать. Позовите сюда палача: я хочу переговорить с ним.

Палач явился.

– Друг мой, – сказал герцог, – потрудись показать мне, как надобно встать на колени и класть голову на плаху?

– Вот так, ваша светлость, – отвечал палач, – колени раздвинуть, шею вытянуть.

Герцог повторил и, встав на колени, спросил: «Хорошо?»

– Хорошо!

– Ну, не позабуду твоих наставлений!

Войдя во двор, на котором был воздвигнут эшафот, Монморанси взбежал по ступеням.

– Скажите королю, что я умираю верным его подданным.

– Вы становитесь слишком близко к краю, – заметил палач, – голова упадет с эшафота на мостовую.

– Виноват, – отвечал герцог. – Видишь, я говорил, что неловок.

Когда его привязывали к чурбану, прилаженному к плахе, он просил вязать осторожнее, чтобы не повредить ему еще не заживших ран. Кладя голову на плаху, он поцеловал поданное ему распятие и произнес: «Господи, в руки твои предаю дух мой!» Последними же его словами была просьба к палачу:

– Бей смелее!

Генрих Монморанси был счастливее графа Шалэ: голова его отлетела от туловища с одного удара.

Окончим, однако, нашу скорбную летопись и длинный перечень жертв кардинала-министра.

В ноябре того же 1632 года в Безьере судили дворянина Дэзе де Курменен (Deshayes de Courmenin), сына губернатора Монтаржи. Он служил по министерству иностранных дел и в молодости путешествовал по северным государствам Европы: бывал в Швеции и у нас, в России. В полной уверенности, что Ришелье поручит ему ведение переговоров с Густавом-Адольфом, королем шведским, он предложил свои услуги кардиналу, но получил отказ. Недовольный и обиженный, он уехал в Брюссель к Марии Медичи и Гастону Орлеанскому. Первая поручила ему заложить в Германии ее брильянты и просить помощи у императора австрийского. В Вере Дэзе по повелению французского посланника барона де Шарнасе был арестован и отправлен во Францию. По приговору суда Дэзе за государственную измену был обезглавлен.

В сентябре 1633 года в Метце был колесован солдат Дельфинстон за намерение умертвить кардинала. В марте 1634 года за то же самое преступление был повешен некто Жанэ, именовавшийся д'Юрфэ, бароном де Шаваньяк. 8 апреля были повешены и сожжены в Париже священник Адриан Бушар и диакон Гарган – за чародейство! Нелепому верованию в возможность сношения людей со злыми духами тогда не были чужды во Франции, как и во всей Европе, просвященнейшие классы общества. Мария Медичи совещалась с астрологами, Людовик XIII потратил немало денег на алхимические опыты, которыми его морочил некто Дюбуа, повешенный впоследствии за обман; придворные дамы и знатнейшие вельможи прибегали в своих любовных интригах к содействию знахарей, ворожеек, покупая у них приворотные корешки, симпатические амулетки и т. п. Уличенные в чародействе на допросах, сопровождаемых невыносимыми пытками, сами на себя наговаривали Бог знает какие небылицы, которым верил суд. Процесс священника Урбана Грандье в Лудене служил тому ясным доказательством. Урбан, молодой, красивый собой, славился скандалезными своими похождениями и вообще вел образ жизни, несогласный со священническим саном. Епископ Пуатье наложил на него пятилетнюю епитимью, снятую, однако же, архиепископом Бордоским де Сурди. Несмотря на это прощение, вскоре на Урбана Грандье была предъявлена жалоба от луденского урсулинского монастыря о порче, пущенной Урбаном на тамошних монахинь. Сущность дела состояла в том, что бедный Грандье имел с некоторыми из них связь; неудостоенные его внимания подруги его возлюбленных из ревности оговорили Грандье, и начался процесс под наблюдением Лобардемона, одного из клевретов кардинала Ришелье. По следствию оказалось,

что Урбан Грандье имел самые близкие сношения и даже переписку с бесами: Астаротом,

Асмодеем, Уриелем, Левиафаном, Валаамом и многими другими, по его повелению вселявшимися в тела урсулинок. В бумагах Урбана нашли подлинный его договор с адом, писанный кровью; рукописное сочинение против безбрачия католического духовенства, стишки соблазнительного содержания… Сверх того, Лобардемон секретно донес кардиналу, что подсудимый всегда непочтительно отзывался о нем и что едва ли не Урбан Грандье автор безымянного пасквиля на королевскую фамилию.

Процесс начался 2 февраля 1633 года, 29 июля следующего года был обнародован указ, приговаривавший к цене в 10000 ливров каждого, дерзающего отрицать порчу и дьявольское наваждение. Урбан Грандье был приговорен к принесению всенародного покаяния на папертях церквей св. Петра и св. Урсулы, потом к сожжению на костре после предварительной пытки сапожками;[3] исполнителями приговора вызвались быть священник Лактанций из Пуатье и монах-капуцин Транкилль; они же исправляли должность палачей и при пытках Урбана. Судьи дали им секретное приказание: до зажжения костра удавить Грандье для избавления его от страданий, но палачи-аматеры нарочно запутали веревку петли, накинутой на шею казнимого, и он сгорел живой. Для убеждения народа, что Урбан действительно раб злого духа, во время шествия его на казнь ему предложили приложиться к серебряному распятию, которое держал в руке… Урбан, приложась, с воплем отдернул губы: распятие было раскалено и обожгло страдальца… Инквизиторская изобретательность!

30 июня 1635 года герцог Пюилоран, один из сообщников Гастона Орлеанского, был отравлен в Венсене по повелению Ришелье. Усмирение мятежей в южных областях Франции сопровождалось также страшными зверствами. 9 ноября 1641 года был казнен Сен-Прейль, тот самый капитан, который, подав голос в защиту Генриха Монморанси, был записан в красную книжечку кардинала. Предлог к обвинению был самый ничтожный, но стараниями клеветников Ришелье ему был придан характер преступления уголовного.

Казнь де Ту и любимца короля Людовика XIII Генриха Куаффье, маркиза де Сен-Марс (Cing Mars) 12 сентября 1642 года была последнею казнью в царствование Ришелье; в июле скончалась Мария Медичи в Кельне, а в декабре умер и сам кардинал, кровавыми, неизгладимыми буквами вписавший свое имя на скрижали истории Франции. Он в оправдание своих жесто-костей говорил на смертном одре:

– Я был строг для иных, чтобы быть добрым для всех! Фраза, бесспорно, остроумная, но так ли оно было на самом

деле? Был ли для кого-нибудь добр кардинал Ришелье, кроме своих клевретов?… Из последних особенным его расположением пользовались: Лафейма, дю Трамбле (отец Жозеф), Лобарде-мон, Шавиньи. Первый при кардинале играл ту же самую роль, которую при Людовике XI играл Тристан де л'Эрмит. Шавиньи был побочным сыном Ришелье от госпожи де Бутийе (BoutiLLet), получивший стараниями своего родителя должность статс-секретаря. Ссорясь иногда с королем, Шавиньи грозил ему, что будет жаловаться кардиналу, и Людовик XIII смирялся. В должности шутов при кардинале состояли: его духовник отец Мюло, Ла Фоллон и Буа Робер. Первые два славились обжорством и любовью к бутылочке; Буа Робер писал в честь кардинала оды, хвалебные гимны и восхищался стихотворениями его эминенции, достойными похвал разве только из уст лизоблюда. К чести кардинала заметим, что он собеседничеству шутов предпочитал собеседничество кошек. Этих животных было у него штук до десяти; они прыгали у него по столу в кабинете, ложились к нему на колени или с громким курлыканьем терлись около его шеи… Прыжки и игры кошек смешили кардинала, а глядя на их драки, он говаривал:

– Точно наши придворные господа!

Выше мы уже говорили, что и в характере этого человека была смесь лютости льва с лукавством и влюбчивостью кошки. Данник слабости человеческой, страшный Ришелье в течение своей труженической жизни неоднократно искал отдохновения от умственных трудов в объятиях любимой женщины. После упорного – но безуспешного и смешного – ухаживания за Анной Австрийской он удостаивал благосклонным своим вниманием знаменитую куртизанку Марион де Лорм, госпожу де Шон и до последнего дня сожительствовал со своей родной племянницей госпожой Комбалле, в 1638 году переименованной в госпожу д'Эгилльон (d'Aiguillon).

Марион де Лорм два раза имела счастье посетить кардинала: в первый раз переодетая пажем, во второй – курьером. За оба посещения Ришелье послал ей со своим камердинером де Бурнэ сотню пистолей… Обиженная куртизанка подарила их посланному. Впрочем, связь кардинала с ней едва ли не имела особенной цели. Есть основание полагать, что Марион де Лорм состояла на жалованье у Ришелье в качестве шпионки. При ее огромном знакомстве с молодыми знатными людьми, при откровенности с ней последних эта камелия имела возможность без особенного труда выведывать от них все, что нужно было

знать кардиналу, и доводила о том до его сведения.

Госпожа де Шон пользовалась благосклонностью Ришелье довольно долгое время, но недешево поплатилась за эту благосклонность. В один прекрасный вечер, при возвращении ее из Сен-Дени в карете, на нее напали шесть всадников с намерением разбить об ее лицо две бутылки с чернилами, насыщенными раствором купороса. Фаворитка кардинала сумела, однако, защитить лицо руками, и весь вред, причиненный ей негодяями, ограничился разбитыми стеклами, испятнанными каретными подушками и испорченным платьем красавицы. Эту шутку сделала над ней ревнивая госпожа де Комбалле из опасения, чтобы она не отбила у нее любезного дядюшку.

Эта фаворитка выдана была кардиналом в 1620 году за Антония Дюбур де Комбалле – старого горбуна с лицом, изрытым оспой. Разумеется, красавец этот был мужем подставным, которому Ришелье недешево платил за его фамилию. Овдовев, госпожа Комбалле дала клятву навеки остаться вдовой и облачилась в наряды кармелитки. То и другое плохо согласовывалось с ее наружностью, в полном смысле слова очаровательной. Как бы то ни было, Комбалле не расставалась с монашеским платьем, хотя и состояла при Анне Австрийской в качестве камер-фрау. По мере возвышения Ришелье его племянница начала изменять своему костюму, а при возведении его в должность министра готова была изменить и обету безбрачия. Ее сватали: де Брэзе, де Бетюнь и граф де Со (Sault) Ледигьер, но по воле ревнивого кардинала она всем им отказала. Четвертым настойчивым искателем руки Марии Комбалле был граф Суассон, но и тут дело разошлось… Ходили слухи, будто племянница кардинала, хотя и вдова, – девственница непорочная. Слухи эти основывались на том, что из девического ее имени Мария де Виньеро (Marie de Vignerot) можно составить анаграмму: vierge de ton mari! (девственница твоего мужа). Де Брэзе, оскорбленный отказом, первый пустил в ход молву, что кардинал живет со своей племянницей и что имеет от нее четверых детей. По этому поводу по рукам пошла довольно злая эпиграмма неизвестного автора:

Вчера Филида в страшном гневе
И в огорченьи к королеве
С формальной жалобой вошла:
«Злодей Брэзе пустил в огласку
Нелепую пустую сказку —
Что четырех я родила.
И от кого же? От Армана».

Тут королева ей в ответ:
«Брэзе, то знает целый свет,
Любитель сплетен и обмана!
Утешьтесь: даже самый тот,
Кто к вам приязни не питает,
Вам скажет, что Брэзе и лжет,
И вечно вдвое прибавляет!»

Все эти оскорбительные слухи доходили до ушей кардинала, но он не обращал на них никакого внимания и, как будто издеваясь над злоязычниками, ежедневно утром и вечером принимал у себя во дворце госпожу Комбалле, проводя с нею время с глазу на глаз. Охотники подглядывать замечали, что, идучи к кардиналу, она имела на груди букет цветов, а возвращалась без букета… Если на этом обстоятельстве были основаны слухи о связи с нею кардинала, то связь эта весьма сомнительна; впрочем, были и иные доказательства, гораздо убедительнее. На руках племянницы Ришелье и умер: она закрыла ему глаза. Нужно ли прибавлять, что при жизни дяди госпожа Комбалле имела целую свиту льстецов, поклонников и угодников, готовых за нее в огонь и в воду? Расчет этой челяди был верен: племянница замолвит ласковое словцо дяде, кардинал не оставит своей милостью добровольного холопа племянницы.

О Ришелье-селадоне, обожателе Анны Австрийской, мы подробно поговорим при биографическом очерке королевы; теперь заключим характеристику кардинала описанием его последних минут.

В конце ноября 1642 года кардинал начал жаловаться на колотье в боку и, несмотря на поданную помощь, в течение двух дней чувствовал себя все хуже и хуже. Во дворец к больному прибыли маршалы Брэзе, де ла Мейлльере и верная госпожа д'Эгилльон (бывшая Комбалле). В понедельник 1 декабря кардиналу стало несколько лучше, но к вечеру открылась лихорадка, и к врачам, окружавшим постель больного, присоединился лейб-медик Бувер, присланный Людовиком XIII. Во вторник утром он сам навестил кардинала.

– Государь, – сказал Ришелье, – пришло время собираться мне в далекий путь, но я умираю с сознанием, что государство возведено на высокую степень могущества и что все враги его, внутренние и внешние, истреблены. Во внимание к моим заслугам не оставьте моих родных. Поручаю еще вниманию вашему людей дельных и полезных: де Нойе, де Шавиньи и кардинала Мазарини.

– Будьте спокойны, – отвечал король, – все желания ваши будут исполнены, но я надеюсь, что еще не скоро.

Не желая утомлять больного, Людовик XIII вышел из спальни и, проходя по картинной галерее, рассматривал ее сокровища не только с улыбкой, но и со смехом. Он радовался смерти кардинала.

– Сколько еще остается мне жить? – спросил больной у докторов.

Они отвечали комплиментами и успокоительными уверениями.

– Хорошо, – перебил их кардинал с досадою. – Позовите ко мне доктора Шико.

Ему Ришелье особенно доверял и уважал его за прямодушие.

– Шико, говорите мне прямо: скоро ли я умру?

– Вы не рассердитесь, если я скажу правду?

– За этим-то я вас и позвал.

Шико на минуту призадумался и отвечал:

– Через двадцать четыре часа вы умрете или произойдет кризис к выздоровлению.

– Вот это называется говорить дело. Благодарю вас. Ночью Ришелье исповедовался и приобщался; весь день 3

декабря провел довольно спокойно, но в первом часу пополудни 4-го числа почувствовал приближение агонии.

– Друг мой, – сказал он племяннице, – выйди из комнаты: любя от всей души тебя, моя милая, не хочу огорчать тяжелым зрелищем.

Она не дошла и до дверей, как кардинал скончался. Умер он, как видит читатель, очень спокойно, без всяких мелодраматических эффектов, выдуманных позднейшими биографами-романистами. Одни пишут, будто смертный одр кардинала окружали тени всех им казненных; другие – будто он в бреду беседовал с Сен-Марсом и Монморанси; третьи – будто плакал по убиенным… И все это вздор, фантазия, выдумки, делающие честь как пылкому воображению авторов, так и их простодушной уверенности, что злодей без угрызений совести и умереть не может… А между тем, Боже мой, какое множество людей, у которых на совести лежат десятки, если не сотни преступлений, умирают себе так спокойно, как редко доводится иному добрейшему человеку. Наполеон I на острове Св. Елены умирал как праведник, рассказывая окружающим о том, что за гробом он будет беседовать с Аннибалом, Сципионом, Юлием Цезарем, Фридрихом Великим. Не тревожили последних минут сына судеб призраки ни герцога Ангиенского, ни одной из сотен тысяч жертв его властолюбия, похороненных на ратных полях

трех частей света; даже знаменитая фраза: «Солдаты – цифры, которыми разрешаются политические задачи», – даже и та не пришла в голову умирающему герою.

Женитьба Людовика XIII на дочери испанского короля Филиппа III, Анне Австрийской (25 декабря 1615 года), была следствием политических соображений Марии Медичи. Супруги чуть не в пеленках были обручены друг с другом. По прибытии Анны во Францию она с первой же встречи со своим нареченным женихом и вскоре супругом поняла, что супружество не принесет ей особенного счастья. Людовик XIII – угрюмый, молчаливый, немножко заика – собеседничеству с супругою предпочитал занятие охотою и музыкою и целые дни проводил то с ружьем, то с лютнею в руках. Молодая королева, ехавшая во Францию с надеждою жить весело, счастливо, на радость себе и другим, вместо всего этого нашла скуку, однообразие и печальное одиночество. Скука сблизила ее с герцогиней де Шеврез, определенной к ней в качестве статс-дамы. Герцогиня – первая любовь короля – теперь имела при дворе репутацию красавицы, опасной кокетки и лукавейшей интриганки. Она первая внушила Анне Австрийской отплачивать королю за его холодность той же монетою; не губить молодости в безотрадном уединении, наконец, в кругу придворных отыскать себе обожателя, по наружным и внутренним своим качествам достойного взаимности. Эти внушения с первого раза показались королеве противными тем нравственным правилам, в которых она была воспитана в родительском доме; но мало-помалу она последовала советам герцогини и, будучи не прочь взять себе фаворита, затруднялась только выбором… В толпе обожателей она заметила между прочими и тощую фигуру кардинала. Смеясь, она сообщила о своем открытии герцогине; но в уме любимицы быстро созрел план: подчинить Ришелье влиянию королевы и тем лишить министра его всемогущества. Предлагая Анне Австрийской невинно кокетничать и завлекать влюбленного кардинала, герцогиня взяла на себя не совсем благородную роль посредницы. Гениальный дипломат, истинно государственный муж, Ришелье повел себя в отношении к королеве как влюбленный мальчишка. Некоторые историки, желающие в каждом поступке кардинала Ришелье видеть единственную цель – благо Франции, – утверждают, будто он ухаживал за Анной Австрийской и домогался ее взаимности для того, чтобы порадовать неплодного и расслабленного Людовика XIII наследником. Есть основания предполагать, что он действительно оправдывал этим свое ухаживание. Ришелье был влюблен не на

шутку, вздыхал, писал стихи и особенно услуживал герцогине де Шеврез, умоляя ее, хотя намеками, довести до сведения жестокой королевы о его сердечных страданиях. Герцогиня обнадеживала кардинала; утешала его мыслию, что он не совсем противен Анне Австрийской и что своим усердием и постоянством, конечно, может добиться взаимности. Ловя его на слове, что он для королевы готов на всевозможные жертвы, лукавая герцогиня предложила ему от имени Анны позабавить королеву пляскою сарабанды в шутовском наряде полишинеля.

– Мне, плясать? – вскричал Ришелье. – Но это будет курам на смех!

– Вы не говорили бы этого, если бы получше знали женское сердце, – невозмутимо отвечала герцогиня. – Недавно королева отзывалась о вас с весьма выгодной стороны, но заметила только, что постоянная ваша угрюмость ей неприятна. Я отвечала, что, вероятно, и вы умеете быть веселым. «Едва ли, – сказала она, – не протанцует же он в угоду мне сарабанду?» – «А если?» – спросила я. «Если да, то и я с моей стороны буду готова на многое; слышите – на многое».

– И завтра же я явлюсь к ее величеству! – воскликнул Ришелье.

– В костюме полишинеля?

– Непременно.

– И протанцуете сарабанду?

– Как сумею… Но, надеюсь, все останется в тайне, между нами?

– Еще бы, ваша эминенция!

На другой же день Ришелье явился к герцогине. Он был одет в красный бархатный камзол, перетянутый кожаным поясом с широкой медной пряжкой, короткие пестрые штаны были окаймлены у поджилок серебряными бубенчиками, в обеих руках пощелкивали кастаньеты.

– А шапка? – спросила герцогиня, едва удерживаясь от смеха.

– Вот она! – отвечал Ришелье, надевая дурацкий колпак с погремушками.

– Прекрасно. Теперь я проведу вас на ту половину, где вас ждет королева; спрячу вас за дверную занавесь, и когда хлопну в ладоши, выскакивайте в комнату и танцуйте!

Через четверть часа Ришелье с балаганными кривляньями плясал сарабанду перед Анной Австрийской, смеявшейся до слез; герцогиня аккомпанировала плясуну на спинете.

– Теперь, ваше величество, – прошептал кардинал, задыхаясь, по окончании танца, – теперь верите ли вы, что для вас я способен на все?

– Верю, что вы прекрасно танцуете, – уклончиво отвечала королева.

– Любовь творит чудеса, – вскричал Ришелье, целуя руку Анны Австрийской.

– Браво! – засмеялась она. – Сыграв роль полишинеля, вы ударяетесь в любезности, приличные арлекину… Талант! Но мне пора во дворец, – сухо досказала она, вставая. – Благодарю за забаву… Герцогиня, прикажите подавать мою карету.

– Дела ваши идут отлично! – сказала герцогиня, возвращаясь к кардиналу после проводов королевы. – Надобно ковать железо, пока горячо. Теперь необходимо приступить к переписке.

– Зачем это? – спросил удивленный Ришелье.

– Интрига без переписки немыслима. Клятва клятвою, документ документом. Докажите королеве на деле ваше совершенное к ней доверие…

Странный, неуловимый луч счастливой мысли мелькнул в глазах кардинала.

– И вы полагаете, прелестная герцогиня, что любовная записка скрепит мой предполагаемый союз с королевою? – произнес он, покручивая усы.

– Непременно, ваша эминенция!

– От души благодарю за совет… Я ему последую. Ранним утром на другой день он позвал к себе в кабинет некоего шевалье Ландри, состоявшего на жалованье при его канцелярии. Ниже мы увидим, в чем состояла его должность.

– Садитесь к столу, – скомандовал Ришелье, – и пишите под диктовку моим почерком!..

Он продиктовал письмо на имя королевы, в котором делал ей самое нежное признание, с предложением сердца и всевозможных услуг на политическом поприще. Содержание было таково, что, если бы письмо попало в руки Людовика XIII, он не поблагодарил бы своего первого министра. Когда Ландри дописал письмо и скрепил его подписью Ришелье, кардинал просмотрел его от первой до последней строчки и отсчитал писцу 1500 пистолей. Вечером письмо, переданное кардиналом герцогине де Шеврез, было уже в руках королевы… Та и другая были уверены, что им удалось уловить Ришелье в растянутые ему сети, но вместо его самого они держали в руках его тень.

Дальнейшее ведение любовной интриги с королевою было отложено кардиналом. Двор и весь город готовились к торжеству бракосочетания сестры короля, принцессы Генриэтты, с королем английским, только что воцарившимся Карлом ЬЛицо последнего при церковном обряде должны были изображать чрезвычайные посланники графы Кэрлиль и Голланд. Ко дню празднества (11

мая 1625 года) совершенно неожиданно прибыли в Париж любимец Карла I и первый его министр герцог Бекингэм. Этот приезд был крайне неприятен как королю Людовику XIII, так и кардиналу. Причинами неудовольствия была и политика (герцог намеревался ходатайствовать за кальвинистов), и ревность, так как стоустая молва давно разнесла по всем концам французского королевства тысячи чудесных рассказов о красоте, любезности, ловкости – в особенности же об успешных волокитствах – герцога Бекингэма. По распоряжению короля он был приветствуем градским главою и выборными от всех сословий. По старинному обычаю, они поднесли герцогу четыре дюжины белых восковых свеч, столько же ящиков конфет и шесть дюжин бутылок вина. Герцог благодарил депутатов за внимание в самых любезных выражениях. Брачных торжеств не описываем; подобных пиров и турниров Париж давно не видывал. На великолепном балу, данном на второй день свадьбы, во дворец кардинала явился, обращая на себя всеобщее внимание, великолепный герцог Бекингэм, к восторгу дам, бешенству и зависти кавалеров. Высокий ростом, превосходно сложенный, с черными пламенными глазами, герцог мог бы пленить собою и в самом простом наряде, но на бал он явился в одеянии, которое богатством затмевало костюмы первейших щеголей. На Бекингэме был серый атласный колет, вышитый жемчугом, с крупными жемчужинами вместо пуговиц; на шее в шесть рядов было надето такое же ожерелье, из под которого сияла брильянтовая звезда ордена св. Георгия, оцененная в 800000 ефимков. Белые перья на головном берете были прикреплены пятью солитерами в 50000 ливров каждая… В ушах были вдеты жемчужные серьги; вышивка зеленой бархатной епанчи была совершенством своего рода. Ослепив весь двор богатством и красотой, герцог удивил его и своей грациозностью в танцах. На несколько кадрилей он был кавалером Анны Австрийской, и эта пара, говоря без всякой лести, напоминала Венеру и Аполлона, наряженных в костюмы XVII столетия. Тысячи глаз любовались ими, и между этими тысячами одна пара глаз особенно настойчиво следила за всеми их движениями… То были глаза кардинала.

– Змея под цветами! – шепнула королева герцогине де Шеврез, кивнув ей на Ришелье.

Очарованная Бекингэмом, Анна Австрийская стала с ним еще любезнее, желая досадить влюбленному кардиналу. Последний во время самого разгара бала послал нарочного за отцом Жозефом (дю Трамбле), который и явился в кабинет Ришелье, вышедшего из бальной залы.

– Вы знаете о приезде Бекингэма? – спросил Ришелье.

– Знаю. В Лондоне я видел этого блестящего мотылька. Он пустой человек…

– Так, но присутствие его в Париже мне несносно. Его необходимо выпроводить. Надобно поставить его в необходимость самому требовать у парламента своего удаления или еще того лучше принудить парламент отозвать герцога.

– Это можно… я это устрою.

– Завтра же отправляйтесь в Лондон. Золота не жалейте, лишь бы через две недели герцога Бекингэма не было в Париже.

Отец Жозеф исчез как тень; кардинал возвратился в бальную залу. Здесь из уст в уста ходил рассказ о только что сделанной герцогом выходке, изумившей всех присутствовавших. Во время танцев и по их окончании, прохаживаясь по комнатам, он растерял несколько жемчужин, осыпавшихся с его колета и епанчи. Когда находчики приносили ему растерянные зерна, он, улыбаясь, пенял им, что они из-за такой безделицы беспокоились, и просил их оставить находки у себя на память. Таким образом, любимец английского короля рассыпал жемчуга свыше чем на сто тысяч ефимков. Юпитер обольщал Данаю золотым дождем, а герцог Бекингэм Анну Австрийскую – жемчужным… Подобные выходки роскоши, доходящие до сумасбродства, были испокон веков свойственны преимущественно временщикам и фавориткам (благо, тем и другим деньги легко достаются). Так, наш Потемкин-Таврический разъезжал по Петербургу верхом на коне с серебряными подковами, слабо пригвожденными именно затем, чтобы терять их и дарить находчикам. Правда и то, что серебряная подкова не жемчужина, да и между герцогом Бекингэмом и Потемкиным есть тоже немалая разница.

Бал окончился на заре. Придворные дамы и девицы разъехались по домам, более или менее очарованные не столько праздником, сколько главным его украшением – английским герцогом. Два сердца признали себя его пленниками: они перерывисто бились в лилейной груди Анны Австрийской и ее любимицы герцогини де Шеврез. Положение последней было тем грустнее, что она предвидела неприятное положение, готовившееся ей в близком будущем: быть помощницей в интригах с любимым ей человеком другой женщины, выслушивать от нее страстные признания, караулить и охранять любовников при их нежных свиданиях… видеть их райское блаженство и в это время изведывать все адские муки ревности, зависти и отверженной любви. Несмотря на свой ветреный характер, герцогиня де Шеврез была одинаково способна и на привязанность, и на самопожертвование.

В тот век высший и средний классы французского общества

смотрели на супружество и на обязанности, им налагаемые, как на бремя, сбросить которое при удобном случае не почиталось проступком. Непостоянство и ветреность почитались отличительными признаками высшего тона и порядочности. Анна Австрийская влюбилась в герцога Бекингэма с первой же с ним встречи и привязалась к красавцу со всем пылом первой страстной любви. Ее не столько тревожила мысль о ее расслабленном супруге, сколько боязнь происков кардинала Ришелье. Анна и Бекингэм напоминали нежных голубков, над которыми высоко в поднебесье кружились ястребы; они инстинктивно чувствовали на себе его взгляд, следивший за ними везде и всюду. Тайное свидание, которого жаждали влюбленные, было почти немыслимо: невидимки-шпионы наблюдали за ними, и в числе их был усердный Лафейма. Последний, по приказанию Ришелье, собрал даже целую шайку наемных убийц, которым было приказано, в случае удавшегося свидания Анны с Бекингэмом, умертвить последнего. Дворец королевский и дом герцогини де Шеврез, в котором остановился английский посланник, были как бы в оцеплении. При такой обстановке устроить свидание было бы геройским подвигом для герцогини; она не задумалась совершить этот подвиг. По ее распоряжению был прорыт подземный ход из погребов ее дома в склепы смежной с ним церкви женского монастыря Валь-де-Грас. Работали люди, душой и телом преданные Бекингэму. Было условлено, что королева придет вечером в церковь, куда придет ее возлюбленный, переодетый в одежду монаха-капуцина; отсюда подземным ходом они безопасно проникнут в дом герцогини. К несчастью, этот план был известен Ришелье, и один из его шпионов был спрятан в церкви. Королева и герцогиня де Шеврез успели убежать вовремя; Бекингэм при содействии своих приближенных угомонил непробудным сном дерзкого лазутчика. На следующее утро неудавшегося свидания в ризнице был найден труп… По всему городу разнеслась молва, что убиенный не кто иной, как вор, забравшийся в ризницу для похищения облачений и церковной утвари. Так показал и садовник монастыря Валь-де-Грас, сознавшийся чистосердечно, что он подстерег злоумышленника и на месте преступления решился наказать его за святотатство. Следствие было назначено по распоряжению кардинала, и оно привело к открытию подземного хода из погребов дома герцогини в церковь. Герцогиня отозвалась, что она о существовании подкопа не имела и понятия, прибавив к этому, что подкоп мог быть веден и из церкви в погреба ее дома. Дело, впрочем, поспешили замять, но по повелению Людовика XIII королеве было предложено не отлучаться из Лувра.

Покуда в Париже разыгрывалась эта комедия, отец Жозеф в Лондоне не терял времени и действовал как нельзя лучше. Немедленно по прибытии в Великобританию он вошел в самые дружеские отношения с леди Клэрик, любовницей Бекингэма, им покинутой, но тем не менее или, лучше сказать, тем более ревнивой и злобной. Отец Жозеф сообщил ей о сближении Бекингэма с королевой; объяснил ей, сколь необходимо удаление посланника из Парижа; наконец, совещался с ней о мероприятиях к побуждению герцога спешить возвратом в Лондон. Леди Клэрик указала на способ вернейший и надежнейший.

– Известно ли вам, – сказала она отцу Жозефу, – что теперь у нас идут страшные религиозные расправы между пресвитерианами и пуританами? Вопрос религиозный – только щит, под которым скрывается меч усобиц, а может быть, даже и секира, готовая подсечь под самый корень королевскую власть. Покуда этот мятеж тлеет, как искра… раздуйте ее, и зарево мятежа будет видно Бекингэму, хотя он и на континенте!

Совет был хорош; лучшего не могла дать отцу Жозефу и сама Немезида. Клеврет кардинала немедленно ему последовал, и, бродя по грязным тавернам и трущобам, местам сборищ диссидентов, говорил возмутительные речи, воспламенял фанатическую ненависть в приверженцах пуританизма, обещал им содействие французских кальвинистов… одним словом, раздувал искру мятежа в пламя и подливал на него масла. Что же касается до его знакомства с Оливером Кромвелем, о котором упоминает Тушар-Лафос в своих Хрониках Воловьего глаза,[4] – это фантазия, детище игривого воображения, не заслуживающее внимания. Участие Ришелье в религиозных мятежах Англии при Карле I несомненно. Ослабить эту державу и тем способствовать возвышению Франции это, конечно, входило в политическую программу кардинала, но что особенно побудило его ускорить мятежное волнение в Англии? Ненависть к Бекингэму, зависть и ревность. Будь на месте Анны Австрийской женщина старая, безобразная, будь герцог Бекингэм годами тридцатью старее, и в истории Англии XVII века не было бы многих кровавых страниц. К несчастию, в биографии рода человеческого, называемого историей, мы чаще видим важные последствия от самых ничтожных причин. Тут невольно сравнишь государство с человеческим организмом: от лишней крошки кушанья может произойти воспаление желудка; простуда какого-нибудь микроскопического волосного сосудца ведет к горячке; от соринки, попавшей в глаз, человек может лишиться зрения… Не то ли самое бывает и с государствами? Первый министр одной

державы после сытного ужина чувствует расстройство желудка и вследствие этого находится в раздраженном состоянии духа; желчь играет, на весь Божий свет министр смотрит сквозь какую-то злобную призму. В эту неприятную минуту ему докладывают о приезде посланника, которого он принимает с кислым лицом; посланник обижается, гримасы министра кажутся ему умышленными дерзостями, о чем он и уведомляет свой двор. Возникают неприязненные отношения; слово за слово, око за око, зуб за зуб, и оканчивается дело войной, и тысячи людей гибнут из-за того, что у первого министра болел желудок в тот день, когда его посетил посланник N. N. двора. Ложка клещевинного масла могла бы отстранить реки человеческой крови; не попади в желудок министра лишняя крупинка кушанья, и головы тысяч людей были бы спасены.

Стараниями отца Жозефа мятежи пуритан в Англии приняли угрожающий характер, и клеврет Ришелье поспешил возвратиться к своему патрону накануне отбытия из Парижа герцога Бекингэма. Встревоженный вестями, полученными из Лондона, герцог, однако же, успокаивал Генриэтту, которую он должен был сопровождать и представить супругу, венчавшемуся с ней заочно. Отец Жозеф уезжал в Лондон во время бала у Ришелье и возвратился точно так же во время прощального празднества в честь Бекингэма. На заре Бекингэм, принцесса Генриэтта, сопровождаемые всем двором, выехали из Парижа. Первый ночлег был в Компьене, где Людовик XIII захворал лихорадкой. Пользуясь удобным случаем, герцогиня де Шеврез нашла возможность уладить первое и последнее свидание королевы с Бекингэмом в гардеробной комнате… Покуда король тревожно метался на постели, страдая не столько от лихорадки, сколько от мнительности, супруга его и герцог Бекингэм блаженствовали под охранением бдительной герцогини де Шеврез. В эту ночь на сумрачном челе Людовика XIII выросли два украшения, обыкновенно видимые всем, кроме тех, кто их носит.[5] К вящему счастью любовников, он остался в Компьене, позволив Анне Австрийской провожать Генриэтту до Амьена. Здесь на празднике, данном высоким путешественником, случилось происшествие, непонятное и несколько скандалезное.

Вечером, гуляя под руку с Бекингэмом, сопровождаемая герцогиней де Шеврез, лордом Голландом и шталмейстером де Пютанж, королева с Бекингэмом уединились в беседку из каприофолий, откуда вскоре раздался ее крик… Почему королева, молчаливая в гардеробе, вскрикнула в саду? Этой загадки история не объясняет. Прибежавшие на помощь нашли герцога

Бекингэма весьма переконфуженного, королеву – бледную и плачущую. Так говорит Лапорт в своих мемуарах, а госпожа де Моттвиль в своих записках утверждает, что крик королевы служит доказательством ее «добродетели и целомудрия»… Все это очень странно и загадочно!

На другой день герцог Бекингэм, королева Генриэтта и их свита отправились в Булонь. Прощаясь с герцогом, Анна прослезилась, и по его смуглым щекам также катились крупные слезы. Желая оставить герцогу на память «вещественный знак невещественных отношений», королева поручила герцогине де Шеврез (провожавшей королеву Генриэтту в Лондон) передать ему аксельбант[6] с двенадцатью брильянтовыми подвесками – подарок короля Людовика XIII. Этот аксельбант был надет на королеве в день первого представления Бекингэма на аудиенции в Лувре. Передачу ящика с подарком заметила старая графиня де Ланнуа, шпионка Ришелье, сообщившая о том, кому ведать надлежало.

По отбытии Генриэтты в Булонь между Анной Австрийской и герцогиней де Шеврез возникла деятельная переписка через посредство камердинера королевы Лапорта. Размен писем был до того част, что губернатор, не желая задерживать посланного, приказал не запирать на ночь городских ворот… И за этой корреспонденцией наблюдали ищейки кардинала. Совершенно неожиданно из Булони в Амьен прибыл герцог Бекингэм. Он оправдывал свой приезд получкою депеш из Лондона, в которых Карл I поручал своему любимцу подтвердить, что лондонский кабинет употребит все от него зависящие средства к поддержанию дружественных отношений с кабинетом парижским. Герцог представился Марии Медичи и спрашивал у нее разрешения представиться ее невестке. Старая графиня де Ланнуа ввела герцога в комнату Анны Австрийской. Королева по случаю нездоровья приняла его в постели. Пылкий Бекингэм вопреки не только этикету придворному, но и правилам приличия упал перед постелью на колени, осыпая поцелуями края одеяла… Все эти излияния восторга происходили в присутствии графини де Ланнуа и госпожи де Конти. Королева наружно гневалась на герцога и, высылая его из своей опочивальни, успела, однако, шепнуть ему утешительное: «До свидания…» Поздним вечером ему посчастливилось увидеться с королевой во дворцовом саду, а на заре он был уже на корабле, снимавшемся с якоря в Кале для отплытия в Лувр с королевой Генриэттой. Когда супруга Карла I ступила на палубу, на нее посыпался с вершин мачт и рей благоухающий снег из белых роз и померанцевых цветов; пушки грохотали, заглушая звуки музыки и неистовое «ура!», которым

английские матросы приветствовали свою королеву. Подобно Марии Стюарт, шестьдесят лет тому назад оплакивавшей свою разлуку с Францией, плакала и Генриэтта, супруга внука Марии, в смутном предчувствии грядущих бедствий. Лицо Бекингэма было также угрюмо и влажно от слез: он оставлял во Франции женщину, им обожаемую всеми силами последней любви, без надежд на скорое свидание…

По возвращении своем из Амьена в Париж Анна Австрийская была встречена королем с грубой холодностью, из которой бедняжка весьма основательно заключила, что Людовику XIII уже известны все ее проделки с Бекингэмом. Благодаря вмешательству Марии Медичи гнев короля поутих, поразив, однако, приближенных Анны Австрийской: шталмейстера Пютанжа и камердинера Лапорта. Как бы в вознаграждение за ссылку этих людей судьба возвратила королеве ее верного друга герцогиню де Шеврез, возвратившуюся из Лондона вместе с мужем, недавно пожалованным в кавалеры ордена Подвязки. Герцогиня привезла королеве поклон от Генриэтты и от милого Бекингэма; Анна, в свою очередь, подробно сообщила своей любимице о всех неприятностях, перенесенных ею со времени их разлуки… Гнев Людовика XIII на супругу сменился охлаждением: он заметно чуждался даже случайной с нею встречи. Тогда-то Ришелье написал преданной ему леди Клэрик в Лондон письмо следующего содержания: «Так как благодаря вашему содействию цель наша достигнута и герцог выехал из Франции, то не сомневаюсь, что он сблизился с вами по-прежнему. От этого сближения, равно как и от услужливости вашей, я ожидаю великой пользы в весьма важном деле. Мне доподлинно известно, что королева Анна Австрийская подарила герцогу на память голубой аксельбант с двенадцатью брильянтовыми подвесками. При первом же удобном случае постарайтесь отрезать две или три привески и доставьте их немедленно ко мне; а я уже знаю, что с ними сделать. Этим вы навеки рассорите королеву с вашим вероломным возлюбленным, мне же дадите возможность уронить его окончательно во мнении Людовика XIII, а может быть, даже и самого его величества, короля Карла I».

На первом же маскараде в Виндзоре герцог Бекингэм явился в костюме, украшенном подарком Анны Австрийской. Леди Клэрик, вооруженной парой ножниц, не стоило большого труда отстричь две привески заветного аксельбанта. Камердинер герцога, раздевавший его по возвращении домой, заметил кражу, и Бекингэм был настолько проницателен, что увидел в ней не корысть, но явно умысел повредить ему и королеве Анне… Он даже догадался, что вором был не кто иной, как леди Клэрик, и,

не теряя ни минуты, принял меры к отклонению опасности, грозившей ему и королеве французской, а опасность эта была почти неминуемая. Ришелье, всячески уговаривая Людовика XIII примириться с королевой, предложил ему дать большой бал во дворце, пригласив королеву.

– Если при этом, – сказал Ришелье, – ваше величество в присутствии всего двора окажете королеве любезное внимание, тогда умолкнет злословие и затихнут нелепые слухи о приключениях в Компьене и Амьене. В неосновательности их вы убедитесь сами, если супруга ваша явится на балу беспечно-веселая, спокойная. Не дурно было бы также, если бы она надела аксельбант, подаренный вашим величеством… если только она может его надеть…

– Почему же не может? – спросил Людовик XIII, меняясь в лице.

– Об этом аксельбанте тоже ходили странные слухи, которым не стоит верить…

– Однако для чего-то вы советуете мне предложить королеве надеть аксельбант?

– Чтобы зажать рот клеветникам. Впрочем, ваше величество, увидите сами.

Вечером того же дня Анна Австрийская получила от короля следующее письмо: «Государыня и возлюбленная супруга, с удовольствием и от всего сердца сознаемся в неосновательности подозрений, дерзких и несправедливых, которые пробудили в нас по поводу некоторых событий в Амьене. Мы желали бы публично заявить вам, сколь глубоко были мы тронуты невольною несправедливостью. Посему завтра 9 января приглашаем вас в замок Сен-Жермен, а если вы желаете доказать ваше незлопамятство, то потрудитесь надеть аксельбант, подаренный вам в начале прошедшего года. Этим вы совершенно нас порадуете и успокоите. Людовик».

Это милое письмо как гром поразило Анну Австрийскую; даже находчивая герцогиня де Шеврез, даже и та растерялась и не нашлась сказать ни слова, которым могла бы утешить бедную королеву. Анна решилась на несколько дней сказаться больною; этим временем она надеялась послать в Лондон к герцогу Бекингэму доверенного человека с просьбою возвратить подарок, сделавшийся теперь яблоком раздора между королем и королевою. Испуганному воображению последней уже мерещились развод, ссылка, монастырь, разрыв Франции с Испанией и Англией и, что всего ужаснее – позор неизгладимый. К совершенному отчаянию Анны Австрийской, герцогиня де Шеврез объявила ей, что сообщение с берегами Англии прервано

и по повелению Карла I все порты заперты.

– В таком случае я пропала! – воскликнула королева.

– Успокойтесь, государыня, Бог милостив, может быть, мы еще что-нибудь придумаем. Что вы желаете сказаться больною на несколько дней – эта мера самая благоразумная и тем более удобная, что вы действительно нездоровы от всех этих неприятностей. Позвольте мне от вашего имени уведомить короля…

И герцогиня тотчас же написала к Людовику XIII письмо, извещая его о болезни Анны Австрийской, вследствие которой она при всем своем желании не может воспользоваться радушным приглашением государя впредь до выздоровления. Об аксельбанте не было упомянуто ни слова.

На другой же день король прислал своего камергера понаведаться о здоровье королевы; вслед за камергером явился лейб-медик с предложением услуг, в которых Анна Австрийская действительно нуждалась. Страшное нервное расстройство угрожало ей серьезной опасностью. Два дня прошли в мучительном беспокойстве для Анны и для герцогини де Шеврез; на третий день утром слуга последней вручил ей депешу из Лондона с надписью: «Весьма нужное». Быстро вскрыла она конверт и, пробежав письмо, воскликнула, задыхаясь от радости и обнимая королеву:

– Вы спасены, спасены!!

Депеша от Бекингэма была следующего содержания: «Заметив пропажу привесок и догадываясь о злоумышлении на спокойствие королевы, моей владычицы, я в ту же ночь приказал запереть все порты Великобритании, оправдывая это распоряжение мерою политическою: ради препятствия к сношениям подданных моего короля с мятежниками Ла-Рошели. Король одобрил мои распоряжения и приписал их моей заботливости к поддержанию доброго согласия между Англиею и Франциею. Пользуясь временем, я заказал хорошему ювелиру заменить отрезанные две привески новыми, и надобно отдать ему справедливость, он сделал свое дело нельзя лучше, в чем легко убедитесь и вы при первом взгляде на аксельбант, который при сем препровождаю. Курьер мой пробудет в Париже целые сутки, и ко времени его возвращения все порты Великобритании будут открыты… Скажите государыне, что, если бы дело касалось не до ее спокойствия, я не расстался бы с ее бесценным подарком, который ежечасно осыпал поцелуями и слезами. Теперь, кроме воспоминания, не остается в душе моей иного сокровища, но этого уже у меня не отнимет никакая сила в мире, и я сохраню это воспоминание в глубине моего сердца до той минуты, в

которую оно замрет под рукою смерти. Эти слова, надеюсь, вы передадите королеве вместе с ее подарком!»

Через четверть часа герцогиня привезла в Лувр футляр с аксельбантом. Две привески были приделаны так искусно, что и сам ювелир, работавший остальные десять, не мог бы отличить их от своей работы.

– Вы спасены, государыня, – сказала герцогиня де Шеврез, – но этого мало: подумайте о мщении кардиналу. Напоминаю вам о его любовном письме, которое вы обязаны вручить вашему супругу. Когда Ришелье увидит на вас аксельбант, он онемеет с досады, а вы, пользуясь минутой, можете окончательно раздавить этого ядовитого змея!

На другой день был назначен бал. Перед выходом королевы король, сопровождаемый кардиналом, вошел в ее уборную (Анна уже была одета) и, окинув ее наряд мрачным взглядом, произнес дрожащим голосом:

– Радуюсь вашему выздоровлению и в то же время не могу не досадовать, видя, как мало обращаете вы внимания на мое спокойствие!

– Я вас не понимаю, ваше величество! – отвечала невозмутимо Анна Австрийская.

– Мудрено надеть убор, которого у вас нет… – вскрикнул король и остановился под обаянием змеиного взгляда Ришелье.

– Да, государыня, – произнес кардинал с своей приторной улыбкой. – Ревнуя о спокойствии короля, я следил за странными поступками герцога Бекингэма в бытность его при дворе и убедился, что он имел дерзость домогаться вашей благосклонности. Само собою, что искания его были с негодованием отвергнуты, и только из жалости вы, государыня, подарили ему аксельбант, которым герцог так мало дорожил, что отдал его другому лицу, распродавшему привески по мелочам. Один из моих агентов в Лондоне купил у жида вот эти две привески…

Ришелье подал коробочку королю, и в будуаре воцарилось минутное молчание. Лицо королевы было величаво-спокойно; герцогиня де Шеврез едва удерживалась от смеха.

– Ваше величество, – произнесла Анна Австрийская, – потрудитесь отомкнуть ларчик, который стоит на туалете…

Людовик XIII повиновался, и аксельбант со всеми своими привесками засиял радужными огнями, которые жгучими стрелами врезались в глаза и его величества, и его эминенции кардинала.

– Что вы на это скажете? – гневно спросил король у министра.

– Меня обманули, государь! В Лондоне или здесь, но меня

обманули!

– Нет, – вмешалась королева, – вы хотели обмануть короля и поселить раздор между им и мною. Как ни оскорбительны были мне неосновательные подозрения государя, вами ему внушенные, я, может быть, еще сказала бы слово вам в оправдание, если бы вами руководила благородная ревность о его спокойствии, а не ревность отвергнутого любовника, плясавшего передо мною сарабанду и имевшего дерзость писать ко мне любовное письмо.

Королева, дрожа от ярости, чуть ли не в лицо кардиналу бросила письмо, писанное его секретарем Ландри. Король, схватив бумагу, пожирал ее огненными глазами, а по окончании чтения перенес их на Ришелье.

– Скажи мне, – произнес он дрожащим голосом, – человек ты или сам дьявол в человеческом образе?

– Всмотритесь в мое лицо, ваше величество, – спокойно отвечал Ришелье, – и решите сами, в состоянии ли был бы сам дьявол быть так невозмутим, как я в эту минуту.

– Вопрос не есть ответ! – вскрикнул король, заикаясь от ярости. – Вы писали это письмо? Вы? Знаете ли, что за это вас мало колесовать? За это следует жилы вымотать…

– Именно этого и желали мои враги, подделавшие это письмо!

– Подделавшие?!

– В чем вы и ее величество сию же минуту убедитесь. Не угодно ли вам выйти в соседнюю залу.

Король, королева и герцогиня вне себя от изумления вышли из будуара; через пять минут в аванзалу был введен Ландри.

– Кто писал это письмо? – спросил Ришелье, показав ему бумагу.

– Я, ваша эминенция.

– Вы слышите? – обратился кардинал к державным супругам.

– С какой целью?

– Этого я не знаю, но меня обольстили щедрой наградой.

– Кто?

– Герцогиня де Шеврез, – отвечал Ландри, указав глазами на герцогиню.

– Я? – воскликнула та, дрожа всем телом.

– Вы сами!

– Докажи истину, – сказал король, – и напиши сей же час этим самым почерком…

– Нет ничего легче! – сказал Ландри и тотчас же написал несколько строк.

– Государь, – сказала королева, – клянусь вам Богом, что это письмо написал сам кардинал и через герцогиню передал мне.

– Клянусь и я, ваше величество, – воскликнула герцогиня, – что кардинал из рук в руки передал мне это письмо.

– А я клянусь святым распятьем, – торжественно произнес Ришелье, – что письмо подложное.

– Кому же верить? – быстро сказал король. – Тут, я вижу, все обманывают, все лгут, и одурачен я один. Этого молодца, – продолжал он, кивнув на Ландри, – в Бастилию и допросить как следует. Его показания решат и вашу участь, герцогиня!

– Государь, – воскликнула любимица королевы, – неужели вам не угодно понять, что этот человек – клеврет кардинала…

– Изучивший мой почерк, – досказал Ришелье, – и по этому самому избранный вами в сообщники. Это, конечно, весьма понятно не только его величеству, но малому ребенку.

Собеседники разошлись в невыразимом негодовании друг на друга; Ландри спокойно отправился в Бастилию, вполне уверенный, что Ришелье согласно своему обещанию выручит. Действительно, в ночь Лафейма явился в келью Ландри, вручил ему от имени кардинала две тысячи пистолей и объявил, что за стенами крепости его ждут два проводника, которые будут ему сопутствовать до Марселя, где он сядет на корабль. Эти попутчики были шпионы кардинала, подчиненные Лафейму, друзья-приятели Ландри. Верхом все трое (Ландри и его спутники) воротами св. Антония выехали в Венсенский лес, и здесь в самой чаще «друзья» пристрелили ничего не подозревавшего Ландри… Кардинал умел прятать концы в воду. Весть о бегстве Ландри дошла до ушей короля. «Не ясно ли, ваше величество, что ему помогла герцогиня!» – сказал Ришелье. Таким образом, кардинал не утратил ни на волос своего влияния на Людовика XIII, продолжавшего питать к своей супруге и ее приятельнице непримиримую ненависть.

Любовь Анны к Бекингэму была единственным скоротечным лучом счастья всей ее жизни. Воспоминание о нем было единственной отрадой бедной королевы. Он, со своей стороны, делая политику оружием своей любовной интриги, изыскивал все способы для приезда во Францию под благовидным предлогом. Желанный предлог не замедлил представиться. Между Карлом I и его супругою Генриэттой вследствие несходства характеров возникло неудовольствие, и их семейный быт напоминал отчасти быт королевского семейства во Франции. Злые языки того времени говорили, будто герцог Бекингэм был виновником несогласий между Карлом I и его супругою, несогласий, посеваемых герцогом умышленно, чтобы побудить королеву съездить для свидания с родными во Францию. Карл I на это согласился, и Генриэтта отписала Марии Медичи, что намеревается приехать к

ней в сопровождении Бекингэма. Королева-родительница сообщила об этом кардиналу; кардинал доложил королю.

– Генриэтта может приехать с кем угодно, но только не с Бекингэмом! – отвечал он в бешенстве.

– Но, ваше величество, – возразил Ришелье, – теперь его присутствие во Франции необходимо: не сегодня, так завтра английский парламент может принудить Карла I оказать помощь кальвинистам в Ла-Рошели.

– Пусть принуждает, но Бекингэму при моем дворе не бывать.

– Вспомните, государь, что путем переговоров вы можете спасти жизнь нескольких тысяч ваших подданных.

– Я не против этого, но лишь бы переговоры велись не через Бекингэма!

Герцог, уведомленный об упрямстве Людовика XIII, дал клятву вредить Франции и во что бы то ни стало рассорить с нею своего короля.

– Пропадай же заодно с моим блаженством и спокойствие всей Европы! – вскричал он, бросая об пол великолепную чернильницу, выточенную из цельного халцедона. – Клянусь моим покровителем, святым Георгием! Я им докажу, что можно быть королем и не нося ни короны, ни порфиры. Они не хотят принять меня как посланника с мирными предложениями, я явлюсь во Франции как полководец и приведу за собою войну!

С этой минуты между обеими державами начались самые натянутые, неприятные сношения. Дипломатические ноты, которыми они разменивались, дышали взаимной ненавистью, предательством, были приправлены угрозами. Английские крейсеры открыто снабжали мятежный Ла-Рошель оружием и военными припасами. Все предвещало неизбежный разрыв. Ришелье понял, откуда ветер дует, и с сатанинской усмешкой радостно потирал руки, торжествуя в войне как политик и как соперник Бекингэма на любовном поприще…

23 августа 1628 года герцог Бекингэм был убит Фельтоном. Сохранилось предание, будто убийца за две недели перед тем был во Франции и имел несколько свиданий с кардиналом Ришелье.[7]

Весть об убиении герцога жестоко поразила Анну Австрийскую, и скорбь ее не имела границ. По целым дням запершись в своей молельне, она, заливаясь слезами, молилась за упокой души человека, подобного которому она уже не встречала более во всю свою жизнь. Людовик XIII, в характере которого был богатый запас хамства и подлости, особенно когда представлялся случай обижать беззащитного или бить лежачего, – Людовик XIII решился отомстить своей супруге за ее минувшие шалости и за любовь к мертвому Бекингэму.

В первых числах сентября он назначил в Лувре домашний спектакль с балетом, в котором должны были принять участие первейшие красавицы двора. Причисляя к ним и свою супругу, король предложил ей протанцевать какое-то па в этом балете.

– Мне, танцевать? – простонала королева.

– А почему же и нет? Вы так молоды, так прелестны…

– Но, государь…

– Или вы опасаетесь встретить опасную соперницу? Не бойтесь, их у вас нет и быть не может… Или по случаю траура по убиенному…

– Я буду танцевать, ваше величество!

– И прекрасно! Этим вы доставите мне большое удовольствие.

На первой же репетиции королева, бледная, как привидение, попробовала протанцевать свое па, но в глазах у нее помутилось и она без чувств упала на пол.

– Снесите королеву в ее покои, – сказал Людовик XIII тем же самым тоном, каким на охоте он приказывал поднимать и нести затравленного оленя. – Жаль, она действительно нездорова, – прибавил он, – впрочем, и лекарство, мною придуманное, тоже недурно!

В заголовке этой статьи мы выставили в перечне временщиков и фавориток царствования Людовика XIII Маргариту д'Отфор, маркиза Баррада и Сен-Марса, маркиза д'Эффиа, пользовавшихся особым расположением короля. Это расположение было мимолетной прихотью бездушного Людовика XIII. Хвалясь своим целомудрием, он ухаживал за Маргаритою д'Отфор, не домогаясь взаимности и в то же время издеваясь над своей возлюбленной. Ласки, им оказываемые Маргарите, носили на себе отпечаток наглой солдатчины и денщичьего ухарства, непростительных в короле, сыне любезного и деликатного Генриха IV. Однажды, сидя за столом рядом с Маргаритой д'Отфор, Людовик, набрав в рот красного вина, прыснул ей этим вином на открытые плечи и грудь. Если этой выходкой он хотел доказать, что он глуп и невежлив, то напрасно трудился: за глупца и невежу его знавал весь двор. Маркиз Баррада, за короткое время заслуживший тьму почестей и наград за свои познания в псовой и соколиной охоте, точно так же очень скоро подвергся изгнанию, оставив на память по себе поговорку: счастье Баррада (fortune de Barradas), которую применяли вообще к человеку, которому счастье везет, везет, а там неожиданно изменяет и давит тем же самым колесом, которым недавно возносило на высоту почестей и благополучия. Не такова ли участь и всех временщиков, кроме французского маркиза

Барраде?

Сен-Марс – герой знаменитого романа Альфреда де Виньи, превознесенный романистом до небес, – был на самом деле дрянь человек, по нашему народному выражению. В люди его вывел кардинал Ришелье, уговорившийся с этим любимцем, чтобы он при Людовике XIII играл роль шпиона, что Сен-Марс и исполнял с особенным усердием. Его отношения к королю были, кажется, те же самые, которые были у Федьки Басманова к Ивану Васильевичу Грозному. Людовик XIII ревновал своего любимца к его любовницам Марион де Лорм и мадемуазель де Шамеро. Когда Сен-Марс уезжал на осаду Арраса, король взял с него клятву, что он будет ему писать дважды в день, и когда любимец как-то позамешкал и не прислал к королю письма, его величество проплакал целый день, в полной уверенности, что Сен-Марс, или, как его называли, Господин Великий (Monsieur le Grand) убит. Со всеми придворными Сен-Марс держал себя нагло, грубо; любил хвалиться своими нарядами, а пред королем кокетничал не хуже какой-нибудь камелии. Забыв все милости кардинала, Сен-Марс принял участие в заговоре на его жизнь и вместе с тем вошел в сношения с Испанией. Марион де Лорм не замедлила донести кардиналу на своего возлюбленного… Схваченный в Сорбонне, допрошенный и уличенный в государственной измене, Сен-Марс был казнен 12 сентября 1642 года вместе со своим другом и сообщником де Ту. Месяца за два до его падения Людовик XIII говорил о нем капитану Фаберу:

– Надоел он мне! Вот уже полгода как меня тошнит, когда гляжу на него!

– Я готов бы был поручиться, что милость вашего величества неограниченна.

– Все то же думают, но это не так. Сен-Марс самое развратное и неблагодарнейшее существо; не ценит он ни моего расположения, ни милостей, которыми я его осыпаю… А если бы вы знали, каких денег он мне стоит! Знаете ли, что у этого мота одних сапог до трехсот пар?

Этот отзыв Людовика XIII о своем фаворите напоминает жалобы старого папаши на мотовство своей содержанки. И самый этот Сен-Марс попал в герои романа Альфреда де Виньи, романа, над которым наши отцы проливали слезы! Впрочем, вообще царствование Людовика XIII, т. е. Ришелье, – неистощимый источник романических сюжетов, из которого один покойный Дюма почерпнул своих «Трех мушкетеров», «Двадцать лет спустя», «Виконта де Бражелона» и, если не ошибаемся, еще два или три романа, знакомые нашей читающей публике по переводам.

Одновременно с последним вздохом кардинала Ришелье (4

декабря 1642 года) вздохнул свободнее и Людовик XIII. Место умершего временщика немедленно заняли кардинал Мазарини и де Нойе; узникам Бастилии, и в числе их – маршалу Бассомпьеру, была объявлена свобода; останки королевы Медичи, умершей в доме Рубенса в Кельне, были перевезены в королевскую усыпальницу Сен-Дени. Не скрывая своей радости о кончине Ришелье, король предложил своему казначею Мирону написать стихи на смерть кардинала. В басне Эзопа осел лягнул умирающего льва; почему же какому-нибудь Мирону было не поглумиться над памятью Ришелье. Вот приблизительный перевод, вполне достойный плохих виршей оригинала:

Его уж нет! Исчез наш кардинал?
Для всех его друзей – ужасная потеря,
Но не для тех, которых угнетал,
Преследовал, тиранил, обижал…
Они теперь избавлены от зверя!
Исчез наш кардинал!
И тот, кто за железную решетку
Других с таким усердием сажал,
Сам, наконец, в свинцовый гроб попал!
Когда кортеж чрез мост переезжал,
Наш медный всадник, верно, во всю глотку,
Взглянув на этот гроб, захохотал…[8]
Исчез наш кардинал!

Эти стихи до того понравились Людовику XIII, что он сам переложил их на музыку. Одно другого стоило!.. Издеваясь над памятью человека, прославившего его царствование, Людовик XIII сам, видимо, приближался к гробу, снедаемый изнурительной хронической болезнью, которая в феврале 1643 года осложнилась воспалением желудка, от которого, впрочем, в начале апреля король как будто избавился и встал с постели, однако же слег через два дня и более уже не вставал. С 3 по 19 апреля страдания его были невыносимы, и он, при всем своем жизнелюбии, пришел к убеждению, что болезнь его смертельна. 20 апреля он объявил Анну Австрийскую правительницею королевства, а на другой день совершился торжественный обряд крещения над дофином Людовиком, которому было тогда четыре с половиною года (он родился в 1638 году, 5 сентября). Восприемниками были кардинал Мазарини и принцесса Шарлотта де Монморанси, мать великого Конде. Обряд совершался в часовне старого замка Сен-Жермен в присутствии королевы и всего двора. Когда после церемонии дофин пришел к отцу, король спросил его:

– Как же тебя зовут?

– Людовиком четырнадцатым, – бойко ответил мальчик.

– Покуда еще нет, – сказал умирающий с улыбкою, – но молись Богу, чтобы оно случилось поскорее!

Последние дни апреля месяца больной провел в душеспасительных беседах со своими священниками, читал Евангелие и с аккомпанементом лютни пел псалмы Давида. Иной, глядя на умирающего Людовика XIII, сказал бы, пожалуй: «Вот кончина праведника!» – и как бы жестоко ошибся. Умилительная обстановка смертного одра Людовика XIII была следствием не религиозности, а только ханжества этого человека; тут главную роль играла обрядность; не было истинно христианского смирения, а «уничижение паче гордости»… Король драпировался в свой саван и, как фигляр, кривлялся перед смертью, фразировал: «Если пришел мой час ехать в далекий, неведомый путь, – я готов!» «Я не боюсь смерти…» Эти фразы он повторял ежеминутно. С 11 по 13 мая положение его стало безнадежным; в четверг 14-го числа в три четверти третьего часа пополудни он скончался в полной памяти, вслушиваясь в чтение отходной молитвы…

Умер-то он, пожалуй, и хорошо; жаль только, что жил очень дурно. Наперекор латинской пословице De mortuis aut bene, aut nihil («О мертвых отзывайся хорошо или ничего не говори») мы рассмотрим пороки и достоинства Людовика XIII и предоставим самому читателю решить, которых в нем было больше. Неблагодарный, как все Бурбоны, он был, кроме того, скуп, жесток и пошл, т. е. любил тратить время на пустые забавы, казавшиеся ему чуть не государственными делами. Когда ему доложили, что Корнель желает посвятить ему своего «Полиевкта», король отказался от этой чести, чтобы не потратиться на подарок великому трагическому писателю. После смерти кардинала он вычеркнул из списков всех членов Академии, получавших пенсию.

– Теперь им хвалить некого, – сказал он при этом, – стало быть, и пенсию платить не за что!

Не ради экономии, но единственно по чувству скаредности он сам проверял дворцовые расходные ведомости, сокращая некоторые статьи, всего менее разорительные. Супруге генерала Коке и де ла Врилльеру во время их дежурства во дворце каждый раз отпускалась из королевской кухни: первой – тарелка битых сливок, второму – бисквиты.

– Прекратить это лакомство! – изволил приказать Людовик XIII.

Во время болезни одного из его камер-лакеев доктор прописал больному, незадолго до его смерти, яблочное желе.

Когда больной умер, король, пересматривая счета, сказал:

– Я бы готов был отпустить ему вместо одной банки желе целый пяток, лишь бы он был жив!

Эта фраза, впрочем, доказывает, что и Людовик XIII бывал великодушен.

Насчет жестокости скажем, что при осаде Монтоблана он, обходя перевязочный пункт, натолкнулся на целую груду пленных кальвинистов, оставленных без всякой помощи. Страдальцы, мучимые болью и томимые жаждою, громко стонали и умоляли сжалиться над ними. Король не велел ни давать им пить, ни перевязывать их ран; он любовался их муками и, издеваясь над пленниками, сказал графу де ла Рош-Гюйону:

– Посмотрите, какие рожи они делают! Впоследствии, когда граф был при смерти, король прислал

нарочного узнать о его здоровье.

– Плохо, – отвечал больной. – Скажите королю, что и я скоро начну строить рожи, как кальвинисты в Монтобане.

В день казни Сен-Марса, когда дворцовые часы пробили роковой час, в который голова любимца скатилась на эшафот, король улыбаясь сказал придворным:

– Теперь наш красавчик делает весьма нехорошую гримасу!

Таковы были пороки Людовика XIII; посмотрим на добродетели.

Во-первых, король отлично стрелял, умел дрессировать собак, плести тенета, чинить ружейные замки и даже выковывать целые ружья и вытачивать резьбу на прикладах.

Во-вторых, он мастерски чеканил медали и монеты; в последнем занятии ему помогал побочный внук Карла IX д'Ангулем. Он как-то сказал королю:

– Что бы нам соединиться, ваше величество, и работать в компании? Я бы вас научил приготовлять сплав, заменяющий в монете золото и серебро, а вы за это берегли бы меня от виселицы!

В-третьих, король разводил в парниках ранний зеленый горошек и посылал его продавать на рынке.

В-четвертых, он прекрасно стряпал некоторые кушанья; в-пятых, отлично брил… Однажды, забавляясь цирюльным мастерством над бородами дежуривших во дворце офицеров, он оставил у каждого на подбородке небольшой пучок волос, названный с того времени роялькою (royale). Наконец, в-шестых, он играл на лютне и очень дрянно сочинял музыкальные пиески.

– Охотник, слесарь, огородник, повар, брадобрей, музыкант… все это очень хорошо, – скажете вы, – но где же добродетели короля?

– Тут они все,– ответим мы.– Иных добродетелей за Людовиком XIII не водилось. Мир его праху!

notes

Примечания

1

Здесь заметим кстати, что кардинал Ришелье имел какую-то особенную сим– патию к кошкам. Наше народное поверье говорит, будто кошек любят вообще лукавые люди. Разумеется, нет правила без исключения.

2

Не иначе, так как призраки наяву – немыслимы. усопшему здешний мир точно так же недоступен, как загробный мир – живому. Факт странного сновидения Монморанси подтвержден многими его современниками и позднейшими источниками.

3

S u p p l i c e d e s b r o d e q u i n s – одна из мучительнейших пыток: стопы ног допрашиваемого вкладывали в деревянные колодки и забивали в них деревянные клинья до тех пор, пока мясо и размозженные кости не обращались в одну безобразную массу.

4

Touchard Lafosse: Chroniques de l’oeil de boeuf. Paris, edition Barba 1861, in 8 premiere seˆrie, p. 102–123.

5

Топен, автор «Железной маски», опровергает это событие, называя его клеветой.

6

Дамские аксельбанты, бывшие в большой моде в XVII веке, состояли из шелковых лент, связанных узлом и украшенных бахромою. Их носили на плечах, от чего и самое название: плечевая лента (Achsel-Band).

7

Подробная биография Бекингэма будет помещена в обзоре царствования Карла I, короля английского.

8

Намек на статую Генриха IV на Новом мосту, через который проезжала похоронная процессия кардинала Ришелье.